

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
“КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ”

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

№ 1 (том XXVIII)
2017

Москва

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The UNESCO Chair on copyright
and other intellectual property rights
Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности

Главный редактор

М. А. Федотов (Советник Президента Российской Федерации, Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, директор Научно-методического центра “Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности”, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации)

Редакционный совет:

Ю. М. Батурин (член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор), И. Л. Бачило (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации), И. А. Близнец (доктор юридических наук, профессор), М. М. Богуславский (доктор юридических наук, профессор), Ю. Л. Бошицкий (кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Украины), Э. П. Гаврилов (доктор юридических наук, профессор), М. А. Краснов (доктор юридических наук, профессор), А. Н. Козырев (доктор экономических наук, профессор), В. В. Орлова (доктор юридических наук, профессор), М. И. Пастухов (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь), С. В. Потапенко (доктор юридических наук, профессор), И. М. Рассолов (доктор юридических наук, профессор), А. П. Сергеев (доктор юридических наук, профессор), Л. С. Симкин (доктор юридических наук, профессор), В. Н. Синельникова (доктор юридических наук, профессор), А. А. Тедеев (доктор юридических наук, профессор), И. Г. Шаблинский (доктор юридических наук, профессор), С. К. Шайхитдинова (доктор философских наук, профессор)

**ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАФЕДРЫ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**№ 1 (том XXVIII)
2017**

Москва

Научный журнал “Труды по интеллектуальной собственности”
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45963
от 15 июля 2011 г. ISSN 2225-3475.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук,
вступивший в силу с 1 декабря 2015 года

Учредитель и издатель:

АНО “Творческий Центр ЮНЕСКО”, г. Москва

Адрес редакции:

117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.

Тел. +7-499-238-31-39

www.unescochair.ru

unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Адрес для корреспонденции:

123022, г. Москва, Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436,

Кафедра ЮНЕСКО

Издается с 1999 г. (бюллетень “Труды по интеллектуальной
собственности” зарегистрирован Госкомпечати России 28 мая 1999 г.,
свидетельство № 018878). Журнал посвящен актуальным
проблемам авторского права, информационного права,
прав интеллектуальной собственности. Плата за публикацию
материалов в журнале не взимается ни в какой форме.
Все представленные материалы в обязательном порядке
проходят научное рецензирование. Перепечатка статей
без согласия правообладателей запрещена
в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.

При подготовке журнала использована система «КонсультантПлюс»

Подписные индексы:

Объединенный каталог “Пресса России” - 11287

© Составление.

Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и
другим правам интеллектуальной собственности, 2017.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юридические науки

25 ЛЕТ ЗАКОНА О СМИ: ПРОРОКИ, ПОРОКИ И УРОКИ	
<i>Монахов В. Н.</i> Закон РФ «О СМИ» как объект научного анализа, выявления пороков и извлечения уроков	5
<i>Казаков Ю. В.</i> Право на этику и право на право: заметки дилетанта	32
<i>Кумылганова И. А.</i> Взаимодействие транснациональных объединений медиасоветов как актуальный опыт саморегулирования СМИ	60
<i>Околёснова О. А.</i> Общественные интересы как информационно-правовая категория в деятельности журналистов	76
<i>Семенова Е. В.</i> Правовая природа мер по ограничению доступа к информации, распространяемой в сети Интернет	85
<i>Стрельцов А. А.</i> Новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: информационно-правовые основы обеспечения безопасности информационных угроз	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	121

CONTENTS

Legal sciences

25 YEARS OF THE LAW ON MASS MEDIA: PROPHETS, MISTAKES, LESSONS	
<i>Monakhov V. N.</i> Law of the Russian Federation “On Mass Media”: Analyzing of Mistakes and Learning the Hard Way	5
<i>Kazakov Y. V.</i> The Right to Ethics and the Right to the Right: Notes of a Dilettante	32
<i>Kumylganova I. A.</i> Interaction of Transnational Associations of Media Councils as an Important Experience of Media Self-Regulation	60
<i>Okolesnova O. A.</i> Public Interests as an Infor- mation and Legal Category in the Journalists’ Work	76
<i>Semenova E. V.</i> Legal Nature of Website Block- ing for the Illicit Content	85
<i>Streltsov A. A.</i> The New Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Information and Legal Basis for Ensuring the Security of In- formation Threats	116
ABOUT THE AUTHORS, ABSTRACT AND KEYWORDS IN ENGLISH	121

25 ЛЕТ ЗАКОНА О СМИ: ПРОРОКИ, ПОРОКИ И УРОКИ

В. Н. МОНАХОВ

Институт государства и права Российской академии наук, старший научный сотрудник сектора информационного права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», кандидат юридических наук, доцент (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; тел.: (495) 691-88-16)

ЗАКОН РФ «О СМИ» КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА, ВЫЯВЛЕНИЯ ПОРОКОВ И ИЗВЛЕЧЕНИЯ УРОКОВ¹

Ключевые слова: Закон РФ «О СМИ»; эпистемология; правотеймент; свобода массовой информации; культура свободы массовой информации; экономика свободы массовой информации; гло-

¹ Материалы традиционной научно-практической конференции Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ ВШЭ, посвященной очередной годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» (г. Москва, 29 декабря 2016 г.) Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс 3000».

бальное информационное общество; право; этика; Сорегулирование; технологическая конвергенция; этико-правовая конвергенция

Аннотация. В статье рассматривается 25-летний опыт реализации Закона РФ «О СМИ» 1991 г., обосновывается применимость и социальная полезность рассмотрения законодательного текста в формате эпистимологического подхода, предоставляющего его исследователям, как полагает автор, новые возможности познания. Анализируется ряд вопросов и проблем, возникающих в ходе развития отечественных, зарубежных и международных этико-правовых регуляций отношений в связи и по поводу массовой информации. Автор формулирует и обосновывает доктринальные, законодательные и организационно-правовые предложения, направленные на совершенствование регуляций соответствующего круга общественных отношений

Историк – это пророк обращенный в прошлое
Закон РФ «О средствах массовой информации» может выступать в качестве объекта научного интереса и анализа самых разных наук, а не только традиционных для него – права СМИ или информационного права. На выходе таких нетрадиционных научных подходов могут и будут получаться разные по содержанию результаты научных исследований. Но именно они, как нам представляется, могут обеспечивать приращение нетривиального научного знания, дающего существенную пользу

практике социального и иного развития как социума, так и личности.

В этом смысле Закон РФ «О СМИ» еще ждет своего исследователя, своего эклектика. В том значении этого греческого по своей этимологии термина, которое ему дал Владимир Иванович Даль в 1882 г. в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка»: того, *кто не следует одному учению, а избирает и согласует лучшее из многих.*

Одним из такого рода нетрадиционных для, так сказать, классики жанра научных подходов к исследованию Закона РФ «О средствах массовой информации» (далее – Закон РФ «О СМИ») может стать эпистемологический подход. Базирующийся на достижениях и использующий инструментарий такой науки как эпистемология.

Эпистемология представляет собой такую научную дисциплину в рамках которой исследуется само научное знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. И если мы решимся применить к предмету нашего интереса и научного познания, а именно Закону РФ «О СМИ», методологию и навыки юридической эпистемологии, то, в отличие от приверженцев более широко известного *гносеологического* подхода, нас должны интересовать не исследовательская пара «субъект – объект», а пара «объект – знание».

В контексте нашей темы эту пару можно именовать так: Закон РФ «О СМИ» – *наука*. Или более узко – *юридическая наука*. А точнее, применительно к юбилейному поводу – четверть века Закону РФ «О СМИ», – *история права*, позволяющая

исследователю лучше понять прошлое (во всяком случае, последние 25 лет истории нашей страны) в ходе углубленного специализированного анализа текста законодательного акта, регулирующего столь системообразующие в наше время – информационные отношения в связи и по поводу массовой информации.

Тут будет уместно привести, глубокую прозаическую мысль Гейне (великий немецкий поэт писал не только стихи!), о том, что *историк – это пророк, обращенный в прошлое.*

Стоит отметить, что перечень наук в указанной исследовательской паре отнюдь не закрытый. Его можно и нужно изменять. Например, поставив туда политологию или информационное право. И т. д.

В частности, Закон РФ «О СМИ» как объект научного интереса и анализа можно уподобить дереву, на котором внимательный исследователь заметит годовые кольца определенных политико-культурных и информационно-правовых слоев. И также как на реальных деревьях эти годовые кольца будут различаться своим цветом. Более темные и менее темные.

И в этой цветовой гамме – опять-таки для внимательных и вдумчивых исследователей – таится весьма многое и достаточно существенное. С позиций эпистомологического подхода к его изучению, Закон РФ «О СМИ» представляет собой достаточно многослойный и богатый *объект для исследования.*

Который многое может поведать «и о времени и о себе» внимательному исследователю и тем са-

мым обеспечить прирост нетривиального научного знания. Так что молодым коллегам предлагаемую многообещающую научную оферту об использовании эпистомологического подхода к изучению Закона РФ «О СМИ», настоятельно рекомендую, что называется, акцептовать.

Поскольку такого рода подход к его изучению, на мой взгляд, предоставляет новые исследовательские возможности и дарит соответствующие надежды и перспективы.

Всегда ли короток век закона?

Теперь по поводу юбилейной даты, отмечаемой применительно к Закону РФ «О СМИ» в 2016 г. в 25-ый раз. Зачастую приходится слышать нелестно-приятные высказывания в адрес этого закона, основанные именно на его возрастных характеристиках. Типа: устарел, архаичен, пора на покой, подлежит замене и т. п.

Хочу заметить, что так же как по отношению к людям (кто-то и в 90 лет творчески плодотворен и жизнерадостен, а кто-то уже в 40-к – теряет способность к надлежащей продуктивной деятельности) законы могут давать социально и лично полезную отдачу и в достаточно солидном возрасте.

В этом контексте, прекрасный пример нам демонстрирует Франция. Действующий в этой стране в своей основе по сию пору закон «О свободе печати» датируется 29 июля 1881 г. Иными словами, этот закон праздновал свой день рождения на 111-ть (!!!) раз больше, чем наш.

Закон Франции «О свободе печати» по праву является дуайеном мирового корпуса законодательства о СМИ. Французы этим фактом очень гордятся и иногда проявляющиеся инициативы подготовить и принять новый закон о прессе, купируют совершенно «железным», непобиваемым пока тезисом. Он звучит примерно так. Наш закон «О свободе печати» подобен нашему самому известному крепкому напитку (коньяк, конечно же!) и, так же как он, наш закон с течением времени лишь усиливает свое благотворное влияние на как на личность, так и на общество с государством.

В качестве конкретного примера ясности, точности и лаконичности слога этого закона почти полуторавековой выдержки, приведу лишь одну норму из его IV главы, носящей говорящее название – «Преступления печати», которая регулирует общественные отношения, связанные с диффамацией:

«Любое утверждение или обвинение в факте, наносящее вред чести или репутации лица либо группы лиц, которой приписывается факт, является диффамацией. Непосредственная публикация путем воссоздания такого утверждения или такого обвинения карается, даже если оно сделано в форме, выражающей сомнение, или если оно касается лица или группы лиц, чьи имена прямо не названы, но идентификация которых возможна через речь, возгласы, угрозы, изложенные в письменном или печатном виде, преступные плакаты или афиши».

Правотеймент как способ говорить понятно о сложном в праве

В тех ситуациях, когда жизнь, обстоятельства, потребность понуждают нас говорить об интересующем нас и нашу аудиторию предмете в жанре «просто о сложном» мы зачастую прибегаем к активному использованию такого речевого приема как метафора.

По аналогии с уже прижившимся в мировой медиологии термином – *инфотеймент*¹, по отношению к размышлениям на правовые темы рискну обозначить соответствующий формат такого разговора-обсуждения термином *правотеймент*.

В том числе исходя из того, что наиболее зримыми проявлениями развивающегося правоведийного повествовательного жанра *правотеймент* является использование в нем достаточно большого количества метафор.

В свое время я серьезно интересовался этимологией этого понятия. И много чего интересного в этом поиске узнал. Например, то, что искусство применения образных метафоричных средств для облегчения понимания «трудных» / «скучных» тем мы получили в наследство от древних греков. Тогда на земле Эллады слово *метафора* означало – повозка.

¹ *Инфотеймент* – infotainment, от англ. information и entertainment – «информируя, – развлекай». Следуя этому способу подачи материала, журналист находит и приводит в материалах на любые, в первую очередь, «серьезные» темы, – занимательные детали и сюжеты. См.: Лозовский Б. Н. Журналистика: Краткий словарь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 116.

Так что сегодня мы с вами можем совершенно обоснованно включать метафору в содержание правоведийного жанра *правотеймент* в качестве современного интеллектуального транспортно-лексического средства, чье основное функциональное предназначение – помогать людям быстрее и с большим успехом добираться от **наблюдаемого** к **постигаемому**.

Правда, объективности ради, следует отметить, что точно так же как тысячелетия тому назад, так и сейчас далеко не всегда и не для всех такая «поездка» приносит желаемый результат – постижение *наблюдаемого* или *читаемого*.

В контексте нашей сегодняшней темы, **наблюдаемое** – это, прежде всего, принятые за прошедший год поправки и дополнения в Закон РФ «О СМИ».

Что же касается **постигаемого**, то под ним давайте условимся понимать наш постоянный поиск ответов на вопросы насколько социально и лично эффективно работали и работают нормы и принципы данного закона? Насколько они адекватны меняющейся политико-технологической и политико-экономической реальности и не пора ли им делать соответствующий апгрейт? Ну и так далее, в этом же смысловом ряду.

Базовые потребности развития

Каждый из нас – участников обсуждения темы о судьбе отечественного закона о СМИ, предлагает свой набор красок в общее полотно картины оценки действия этого закона и путей дальнейшего развития регулятивного воздействия на ин-

формационную сферу жизни личности, общества и государства.

На мой взгляд, на сегодняшней стадии оценки действия и завтрашних перспектив Закона РФ «О СМИ» стоит говорить, предлагать и обсуждать не мелкие детали его апгрейта, а как раз крупные, принципиальные. Исходящие из насущных, базовых потребностей изменения имеющегося арсенала законодательных средств регулирования общественных отношений в отечественной информационной сфере. В качестве таковых мне видятся два следующих блока новационных идей. Содержание *первого* из них составляет нарастающая необходимость смены *основного предмета правового регулирования сферы общественных отношений* в связи и по поводу массовой информации. Такого рода необходимость проявляется, среди прочего, и на понятийном уровне. Например, в новом прочтении давно привычной нашему уху и сознанию аббревиатуры – СМИ: Новое прочтение состоит в том, что привычная доселе расшифровка аббревиатуры **СМИ** как «**Средства Массовой Информации**» постепенно, но неотвратимо обретает новое содержательное наполнение, в силу чего все чаще понимается уже не традиционно, а как «**Свобода Массовой Информации**»¹

¹ См: *Монахов В. Н.* От права средств массовой информации к праву свободы массовой информации / В сб.: Год 1998: что происходит с независимостью прессы в России? М.: ИГК, 1999. С. 29-40; *Федотов М. А.* Право массовой информации в Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2002.

Необходимость нового прочтения аббревиатуры *СМИ* как раз и вытекает из осуществляемого на наших глазах (того, что я выше определял как **наблюдаемое**) принципиального изменения содержания предмета правового регулирования массовых информационных отношений. В наши дни в качестве основного предмета регулирования в мировом информационном пространстве во все большей степени выступают общественные отношения не по поводу технических или технологических *средств* реализации свободы массовой информации (*СМИ* в традиционном понимании этой аббревиатуры), а по поводу собственно, Свободы Массовой Информации (включая ее возможные ущемления, ограничения, ответственность за злоупотребление этой свободой и т. д.)¹

Основным содержанием предыдущего этапа мирового информационно-коммуникационного развития (условно его можно именовать – этап развития «Как?») являлся поиск и закрепление в правовых и иных регуляциях ответа на вопрос с помощью каких технологических (печать, радио, телевидение, интернет) и организационно-правовых

¹ См.: *Монахов В. Н.* Утро пятой свободы (К проблеме формирования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 3. С. 121-135; Законодательство о свободе массовой информации в его историческом развитии / В сб.: Систематизация и кодификация информационного законодательства. М. ИГП РАН, 2015. С. 216; Свобода массовой информации в глобальном информационном обществе. Некоторые особенности реализации и регулирования // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2016. № 1. Том XXIV. С. 5-49.

(СМИ, редакция СМИ, телерадиопрограмма, сайт, блог, форум) *средств* социально и личностно потребная информация доставляется ее потребителям.

На этом этапе проблемы массовой информации и массовых коммуникаций сосредотачиваются в большей мере на технологических решениях, чем на вопросах правового и этического влияния на состояние содержательной, контентной стороны состояния глобального и национальных информационного пространства.

Современный этап мирового информационно-коммуникационного развития (условно определим его как этап развития «Что?») формулирует и стимулирует поиск ответов на более содержательные вопросы. Например, таких:

- из каких элементов должен состоять регулятивный механизм обеспечения надлежащего уровня культуры реализации свободы массовой информации, эффективно препятствующий зримому погружению современного социума в мир постправды, густо насыщенный фейк-новостями, в котором зрителю, слушателю, читателю правду, истину все сложнее отличить от лжи?¹;

¹ По версии Оксфордского словаря английского языка *словом 2016 года* стало выражение «*post-truth*», которое можно перевести как «*постправда*» или «*постистина*». По определению оксфордских лексикографов, это понятие означает прилагательное, «относящееся к таким обстоятельствам или обозначающее такие обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем воззвания к эмоциям и личным убеждениям» // <https://nplus1.ru>

- какова специфика виртуальной и мультимедийной среды реализации конституционного принципа и института свободы массовой информации?

- какими должны быть личностное измерение информационной безопасности в условиях глобального информационного общества, защита информационного суверенитета личности от навязываемой ей ненужной и/или вредной информации¹;

- с какими количественными и, главное, качественными параметрами *контент* может считаться необходимым и достаточным для того, чтобы образовать некую минимальную для гражданина данной страны *информационную потребительскую корзину*?

- каким должно быть содержание *права* субъектов современного глобализированного общества информации и знаний на *универсальную информационную услугу* или права универсального доступа?

Результаты наших совместных поисков ответов на эти и многие другие, не менее важные вопросы, определяющие параметры социально и личностно качественного регулятивного воздействия на общественные отношения в связи и по поводу массовой информации будут формировать то, что я ранее здесь определял как **постигаемое**. Именно оно в качестве профессионального, *коллективного со-*

¹ См.: Злобин Н. Авторское право... на себя. О выживании в агрессивной информационной среде // СреDa. 2001. № 12(36). С. 31; Китайчик М. М. Право на защиту от информации // СПС «КонсультантПлюс»; Жигонский П. Э., Чесноков Н. А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // СПС «КонсультантПлюс».

знательного обеспечит более глубокий взгляд на предмет обсуждаемой нами темы «25 лет Закона о СМИ: пророки, пороки и уроки». Позволит увидеть в ней наряду с проблематикой собственно средств массовой информации – кстати, по мере обретения и развития качеств интерактивности, зримо утрачивающих «чистоту» своей информационной составляющей и эволюционирующих в сторону средств массовой коммуникации (СМК), – но и многие другие аспекты.

Ведь так или иначе, но уже практически весь комплекс отношений, связанных с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), активно онлайнизируется, требуя адекватной модернизации своих правовых, этических и иных регуляторов.

И тут к месту вспомнить старую как мир мысль о том, что всякая медаль имеет две стороны и одновременно с распространением новейших информационных и телекоммуникационных технологий набирают силу и сопутствующие им «паразитные явления» то ли в виде столь модных ныне фейк-новостей, трудно отличимых от настоящих, то ли нарушения прайвеси, то ли еще какого-нибудь информационно-коммуникационного правонарушения и – увы! – на глазах ширящегося числа преступлений.

Стратегический тренд развития *технологической базы* формирующегося на наших глазах глобального информационного общества достаточно явственен и определен. Его основным содержанием является *конвергенция технологий доступа к ин-*

формации и знаниям, широкое развитие так называемых мультимедийных услуг (телефон, эфирное, спутниковое и иное телевидение, интернет, мобильная связь «в одном флаконе»).

Технологическая конвергенция, в свою очередь, стимулирует *этико-правовую конвергенцию* нормативного регулирования соответствующих информационных отношений, включающую в себя два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса. *Во-первых*, описанный выше процесс изменения основного предмета нормативного регулирования соответствующего круга общественных отношений. (От этапа «Как» к этапу «Что»?) *Во-вторых*, процесс сопряжения потенциалов этических и правовых регуляторов информационных отношений, в свою очередь, проявляющихся в двух форматах: *нормативном и институциональном*.

Первый формат выражается в расширяющейся практике включения этических норм в правовые акты, а второй – в становлении и развитии государственно-общественных или общественно-государственных институций, эффективно выполняющих функцию своеобразного «рефери» в ходе «игры» на национальных и глобальном полях информации и знания. Подобного рода тренд мирового информационно-правового развития все более зримо проявляется в наиболее развитых в информационно-технологическом отношении странах¹.

¹ См: *Ривина А. В.* Внесудебные механизмы разрешения информационных споров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Россия не должна отставать и на этом направлении мирового развития. В этой связи, как представляется, актуализируется потребность в разработке и вынесении на широкое общественное и государственное обсуждение проекта федерального закона «О свободе массовой информации в Российской Федерации», призванного упорядочить и развить отношения по реализации соответствующего принципа и института, закрепленного в ст. 29 Конституции РФ, комплексно регулируя общественные отношения по созданию и распространению массовой информации в современной отечественной информационно-технологической среде.

Этот закон может в относительно ближней перспективе заменить действующий Закон РФ «О средствах массовой информации», а возможно и еще ряд сопредельных законодательных актов, а в более отдаленном будущем послужить надлежащей основой для своей трансформации (инкорпорирования в качестве отдельной главы) в структуру будущего Информационного кодекса Российской Федерации¹.

Сформированная нашими коллективными усилиями и закрепленная в этом законе эффективная модель регулирования и СОрегулирования общественных отношений в связи и по поводу массовой

¹ См.: Бачило И. Л. (отв. ред.), Андрющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Бачило. М.: ИГП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

информации в современных форматах (как аналоговом, так и цифровом) с необходимостью должна включать в себя нормативное закрепление социально потребных форм и механизмов досудебного разрешения информационных споров и иных дел.

Благо отечественный опыт создания и успешного функционирования такого рода знаковых структур отечественного правового и этического авангардизма, реализующих досудебные функции в информационной сфере жизни достаточно богат. Это и *Третейский информационный суд*. И *Судебная Палата по информационным спорам при Президенте России*. А также – успешно действующая уже второй десяток лет *Общественная Коллегия по жалобам на прессу*. Деятельность таких «говорящих органов права и этики» в информационном пространстве России, следует считать социально оправданной, полезной и перспективной в плане их участия в становлении и развитии в модернизирующейся России так необходимой для успеха этой модернизации **культуры ответственной свободы массовой информации**.

Теперь немного о *втором блоке* из обещанной мною пары новационных идей. Суть его содержания вытекает из того невеселого факта, что ни Закон РФ «О СМИ» , ни отечественное антимонопольное законодательство до сего дня не сформировали надлежащую правовую среду, активно препятствующую практикам недобросовестной конкуренции в медийном пространстве. Не сформировали надёжных заслонов процессам концентрации и монополизации отечественных медиаструктур и не обеспечили адекватного современным реалиям

рыночных отношений формата регулирования отношений собственности в медийной среде.

До сих пор остаётся вне надлежащего доктринального внимания, осмысления и разрешения такой важнейший вопрос как законодательное обеспечение формирования необходимого в медийной сфере баланса между рыночными факторами и структурами, с одной стороны, и широко понимаемыми общественными интересами и потребностями устойчивого развития этой системообразующей сферы - с другой.

Как правильно подчеркивает в этой связи С. Швердяев¹ «Деятельность по созданию и распространению массовой информации, прежде всего, общественно-политического плана, нельзя рассматривать только как хозяйственную деятельность, деятельность по извлечению прибыли. СМИ выступают не как обычный субъект на рынке товаров и услуг, но выполняют и важную публичную функцию поддержки общественного диалога, совершенствования политического и правового сознания граждан, развития интеллектуального потенциала страны.

Этот информационный эффект не имеет определенного стоимостного выражения и трудно поддается оценке, но он всегда имеется в виду, когда речь заходит о СМИ. Поэтому вполне логично, что государство осуществляет в отношении СМИ материальное возмещение в счет приносимой ими обществу публичной политической выгоды, чуж-

¹ Швердяев С. Основные проблемы проектов ФЗ о средствах массовой информации // Законодательство и практика масс-медиа. 2003. № 2 // <http://law.edu.ru>

дой для других хозяйствующих субъектов, в виде установления льготных ставок по налогам».

Нельзя сказать, что данное «окно уязвимости» в нашем медийном законодательстве, что называется, не пытались закрыть. Наиболее серьезную попытку на этом направлении предпринял на старте нулевых годов XXI века М. А. Федотов. Подготовив и представив «граду и миру» весьма интересный на эту тему законопроект «Об основах экономических отношений в сфере массовой информации»¹.

В частности, содержащий интересные правовые позиции по введению квотирования владения собственностью СМИ в области периодической печати, теле- и радиовещания, перекрестного владения, а также закрепляющий определенные ограничения, связанные с монопольным положением на рынке распространения продукции СМИ.

Кроме того, данный законопроект содержал общую норму по ограничению концентрации СМИ в соответствии с которой массово-информационное учреждение (предприятие), осуществляющее вещание или выпуск периодических печатных изданий, не вправе приобретать более 10% акций любого другого массово-информационного предприятия.

Вместе с тем, массово-информационные *корпорации*, для которых производство и выпуск СМИ является основным видом деятельности, в отличие

¹ Проект федерального закона «Об основах экономических отношений в сфере массовой информации» // Правовое регулирование концентрации и прозрачности СМИ. М., 2000. С. 117.

от массово-информационных *предприятий*, могут иметь в своем составе массово-информационные предприятия на правах дочерних или зависимых обществ

Сильная сторона данного законопроекта состоит еще и в том, что его автору удалось достаточно органично сочетать антимонопольную составляющую законопроекта с комплексом иных законодательных предложений по правовому разрешению целого ряда экономических и иных проблем развития СМИ. В частности, с мерами, направленными на максимальное разделение в медийной сфере бизнеса и журналистики, отграничение рынка рекламы от рынка СМИ, обеспечение прозрачности отношений собственности в медийном секторе экономики.

Указанный законопроект уделяет серьезное внимание надлежащей организации аудита массовой информации для измерения медийной аудитории и изучения её реакции исследовательскими организациями в целях развития плюрализма медиа, а также содержит меры по реальному обеспечению редакционной самостоятельности и независимости; закрепляет понятие собственника СМИ и обозначает контуры регулирования отношений собственников с редакторами и редакционными коллективами, формулирует вполне разумные правила оказания финансовой помощи дотационным медийным структурам.

Уверен, что нам всем необходимо предпринять достаточно серьезные и адекватные усилия, чтобы этому незаслуженно отодвинутому на задворки общественного внимания законопроекту, что

называется, придать второе дыхание, выписать новую законодательную путевку в жизнь, как в полной мере отвечающему острой общественной потребности в такого рода законодательных регуляциях.

В общем, работы по отмеченным здесь и многим другим направлениям совершенствования регуляций реального воплощения в нашем Отечестве принципа и института *свободы массовой информации* нам всем предстоит много. И этого не отрицают и сами отцы-написатели Закона РФ «О СМИ».

Вот что, например, подчеркивает в этой связи Ю. М. Батурин: «Уровень развития правоотношений в области распространения информации изменился с 1991 г. настолько, что *нет никаких сомнений в необходимости изменять сами основы подходов регулирования*»¹. Так что будем и дальше размышлять в указанном направлении (*смены самих основ подходов регулирования*) Но действуя, не забывая мудрости старой российской поговорки: поспешай, не торопясь.

И в завершении, по предложенному нам организаторами декабрьского 2016 г. прекрасному сценарному плану его юбилейного обсуждения «25 лет Закона о СМИ: пророки, пороки и уроки», – немного «об уроках». В частности, об уроках понимания размеров той куцей информационной шинели, из которой 25 лет тому назад начала свой поход в будущее глобальное информационное об-

¹ См. об этом: Телекоммуникация и право: вопросы стратегии / Под ред. Ю. М. Батурина. М.: Центр «Право и СМИ, 2000. С. 324.

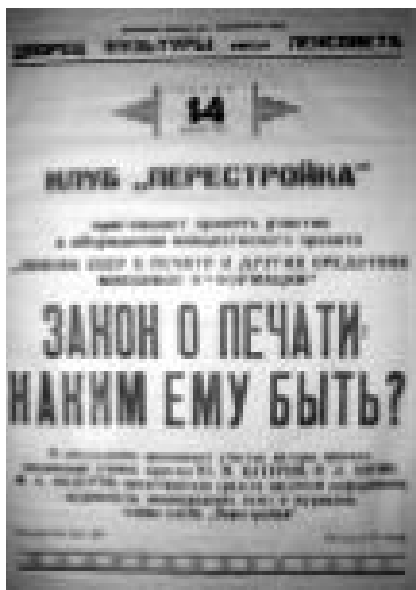
щество рожденная и впервые обретшая свое правовое обличье именно в Законе РФ «О СМИ» 1991 г. (за два года до ее закрепления в ст. 29 действующей Конституции России!) правовая категория *«свобода массовой информации»*.

В этих целях нам придется мысленно переместиться в нашу страну периода конца 80-х годов XX века. Боюсь, что молодежи будет трудно в это поверить, но тогда вполне обыденным элементом подготовки тогдашних советских учреждений к предстоящим государственным праздникам были следующие действия: все пишущие машинки сносились в опечатываемое помещение, сдаваемое под особый надзор дежурному по учреждению. О том, как тогда охранялись копировальные машины (имеющиеся кстати тогда далеко не во всех учреждениях), я рассказывать не буду, ограничившись цитатой своего коллеги экс-депутата Ленсовета, а ныне декана юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС Сергея Цыпляева из его недавнего интервью на «Эхе Москвы». Вот что он там сказал на сей счет: *«Если ксерокс охраняется сильнее, чем ядерный реактор, как с этой машинной и с этой организацией общества можно войти в эпоху свободы информации, интернета, персональных компьютеров? Вы там, чего хотите – меняйте генсеков, меняйте правительство – но эта модель просто не влезает»*¹. Сергей оказался прав. Эта модель действительно не влезла в начавшуюся эпоху глобального информационного общества. И опять не

¹ <https://goo.gl/5IURPI>

влезет, если мы вновь начнем наступать на те же информационные грабли.

Итак, мы переносимся в машине времени в 80-е десятилетия, в нашу северную столицу. Студеным декабрьским вечером 14 декабря 1988 г. в тогдашнем Ленинграде в ДК Ленсовета проходило первое в СССР широкое (с участием всей замечательной тройки отцов-написателей) общественно-профессиональное обсуждение инициативного проекта Закона СССР «О печати...». Развешанные по городу афиши от имени влиятельного общественного клуба «Перестройка» приглашали горожан публично поразмышлять над вопросом: «Закон о печати: каким ему быть?»

Просторный зал, вмещающий несколько сотен человек, набит битком. Коллективный поиск отве-

та на острый для того времени вопрос снимает 5-й канал ленинградского ТВ, тогда вещающий на весь СССР. Мне вместе с питерской журналистской Е. Зелинской выпала честь вести это обсуждение.

Где-то в середине вечера получаю записку примерно такого содержания: *ваши разговоры о свободе печати прекраснодушны. А реальная жизнь жестче. В этой связи прокомментируйте нам факт недавнего обыска сотрудниками КГБ квартиры известного правозащитника Ю. Рыбакова и возбуждение против него уголовного дела «по фактам, которые подпадают под признаки статьи 70 УК»¹.*

Зачитываю записку залу и прошу одного из официально присутствующих на нашем обсуждении сотрудников КГБ дать соответствующие пояснения. Немного поколебавшись, он тем не менее согласился и заявил, что с его точки зрения действия КГБ законны, а обыск, прошедший на квартире Ю. Рыбакова 12 декабря, дал результаты. В частности, обнаружен специальный портативный прибор, позволяющий Ю. Рыбакову получать антисоветские материалы, пересылаемые ему из-за рубежа прямо на квартиру в уже отпечатанном виде.

¹ Справочно: ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») Это дело под номером 64 оказалось последним делом, возбужденным в СССР по ст. 70 УК. Длилось практически год, прекращено 4 декабря 1989 г. в связи с изменением законодательства, а именно отмены статьи УК, карающей за антисоветскую агитацию и пропаганду. Кроме этой статьи в УК РСФСР была еще одна информационная статья. Под номером 190-1 – распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй.

Теперь главное об этом сюжете. В то время (всего-то менее трех десятков лет назад!) именно этот «жуткий» факт существенно подействовал на битком набитый зал, обсуждающий вместе с авторами законопроект «О печати». «Продвинутая» аудитория второй столицы нашей Родины (включая и меня и уважаемых авторов обсуждаемого законопроекта) не нашла, что ответить на это сообщение сотрудника спецслужб.

Как нам тогда казалось, получается, что действительно *не зря искали*, коли такую невиданную «шпионскую» аппаратуру обнаружили! А речь-то шла... об обыденном для наших дней *факсе*. Среди присутствующих в зале примерно пятисот человек не нашлось ни одного, слышавшего о таком гаджете. И о мобильной связи, которой сегодня пользуются буквально все, тоже не слышали. Да и просто позвонить за рубеж тогда было серьезной проблемой. Что же касается тогдашних СМИ... Как шутили тогда, «в «Известиях» нет правды, а в «Правде» – известий».

Жесткий политический контроль за информационной составляющей жизни советских граждан серьезно тормозил развитие отечественных информационных технологий. Так, парадоксальным образом социальная реальность, в которой отсутствовало открытое гражданское общество со свободой массовой информации, оказала существенное влияние на технологическое развитие, не позволив информационным технологиям занять то место, которое им отводится в информационной эпохе¹.

¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, обще-

Нужен ли нам сегодня этот «исторический» экскурс? Уверен – нужен! По мудрой мысли Тейяр де Шардена: *«Прошлое открыло мне, как строится будущее»*. Дело в том, что демократия и ее важнейшая базовая составляющая – *свобода массовой информации* – во многом представляют собой непрерывно осуществляемый гражданами политический и, в том числе информационный, процесс, а не некое раз и навсегда завоеванное застывшее состояние.

Стоит обществу чуть отпустить информационные педали, перестав контролировать движение давно изобретенного информационного «велосипеда», – и его закачает. Тут же объявятся адепты информационной госбезопасности, и под их регулирующим воздействием начнется езда в прошлое время по направлению к Министерству правды, столь выразительно и поучительно описанного Джорджем Оруэллом в его романе «1984».

Так что, если наше общество хочет быть гражданским, его члены должны активно общественно контролировать текущее состояние правового явления под названием «свобода массовой информации! Лучшего теста на состояние здоровья демократии как в нашей стране, так и любой другой человечество пока еще не придумало.

Таков, на мой взгляд, один из важных *уроков*, преподанный нам опытом трудных десятилетий становления в СССР, а затем и России базовой для демократии категории *свобода массовой информации*, обретшей свою первичную правовую ипостась

в первой статье Закона РФ «О средствах массовой информации» 1991 г.

Библиографический список:

1. *Бачило И. Л.* (отв. ред.), *Андрющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А.* Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Бачило. М.: ИПИ РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

2. *Ривина А. В.* Внесудебные механизмы разрешения информационных споров: Авторефер. дис. канд. юрид. наук. М., 2016.

3. Телекоммуникация и право: вопросы стратегии / Под ред. Ю. М. Батурина. М.: Центр «Право и СМИ», 2000.

4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

5. *Лозовский Б. Н.* Журналистика: краткий словарь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

6. *Монахов В. Н.* От права средств массовой информации к праву свободы массовой информации / В сб.: Год 1998: что происходит с независимостью прессы в России? М.: ИГК, 1999.

7. *Монахов В. Н.* Утро пятой свободы (К проблеме формирования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3.

8. *Монахов В. Н.* Законодательство о свободе массовой информации в его историческом разви-

тии / В сб.: Систематизация и кодификация информационного законодательства. М.: ИГП РАН, 2015.

9. *Монахов В. Н.* Свобода массовой информации в глобальном информационном обществе. Некоторые особенности реализации и регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2016. № 1. Том XXIV.

10. *Шевердяев С.* Основные проблемы проектов ФЗ о средствах массовой информации // Законодательство и практика масс-медиа. 2003. № 2.

11. *Федотов М. А.* Проект федерального закона «Об основах экономических отношений в сфере массовой информации» // Правовое регулирование концентрации и прозрачности СМИ. М., 2000.

12. *Федотов М. А.* Право массовой информации в Российской Федерации, М.: Международные отношения, 2002.

Ю. В. КАЗАКОВ

*Общественная коллегия по жалобам на прессу,
член Президиума, кандидат социологических наук
(119991, г. Москва, Зубовский бульвар, д. 4, каб.
441)*

ПРАВО НА ЭТИКУ И ПРАВО НА ПРАВО: ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА¹

Ключевые слова: закон о СМИ; массовая информация; права журналиста; профессиональная этика журналиста

Аннотация. Статья посвящена осмыслению роли СМИ в современном обществе и историческому значению Закона «О средствах массовой информации в Российской Федерации». Особое внимание уделено вопросам формирования этических норм (профессиональной этики) журналиста.

1. У Константина Паустовского в «Повести о жизни» есть история киевской гимназистки Катюши Весницкой, вышедшей в начале XX века, так уж звезды легли, замуж за одного из сыновей си-

¹ Материалы традиционной научно-практической конференции Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ ВШЭ, посвященной очередной годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» (г. Москва, 29 декабря 2016 г.)

амского короля Чакробона: второго сына, у которого практически не было шансов на престол. Но вмешивается случай: от одной и той же болезни умирают сначала король, а следом – первый наследный принц; так «веселая киевская гимназистка Весницкая» становится сиамской королевой. Это – первая часть определенно не рядовой женской судьбы. Вторая цитатой: «Придворные ненавидели королеву-иностранку. Ее существование нарушало традиции сиамского двора. В Бангкоке по требованию Катюши провели электрическое освещение. Это переполнило чашу ненависти придворных. Они решили отравить королеву, поправшую древние привычки народа. В пищу королеве начали постепенно подсыпать истертые в тончайший порошок стекло от разбитых электрических лампочек. Через полгода она умерла от кровотечения в кишечнике».

К чему это я? Да к замечательному случаю, 25-летию Закона РФ «О СМИ»: тоже ведь задевшим «традиции двора» и «древние привычки народа». Удивляться ли многочисленным поправкам, внесенным в него за четверть века не покладаящими рук придворными народными избранниками... Понимая дефекты прямых параллелей, уточняю: не губившими, а улучшавшими, конечно же, объект внимания. Но как тут не вспомнить бессмертное черномырдинское «Хотели как лучше...»

Истертых в порошок электрических лампочек в Москве начала 1992 г., по добровольно-принудительному возвращению из не затянувшейся соборовской командировки в Германию, я не видел, сразу говорю; лампочки в любых обще-

ственных местах выворачивались в те времена за минуту до того, как вкручивались. Кто забыл – вспоминайте, кто не застал – принимайте в расчёт, определяясь с ситуацией, в которой запускался Закон «О средствах массовой информации». Тут не байка, а свидетельство недолгого первого начальника Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации, отвечавшей за введение этого самого Закона РФ «О СМИ»: чуть ли не каждый второй день с утра мне сообщали, что кто-то вывернул ночью очередную лампочку на входе в эту самую Госинспекцию. Новонабранные сотрудники которой, замечу, посажены были на ещё не остывшие стулья сотрудников Московского отделения ГУОТ: третьей по счёту реинкарнации ощущавшего себя всемогущим и бессмертным советского Главлита.

Но здесь – не о давно исчезнувшей Госинспекции, а о предмете её защиты. О свободе печати и массовой информации: если и не здравствующей, то пока ещё вроде бы если имеющей место быть.

2. «Право на собственность,/ Право на право,/ Право на право быть первым всегда./ Право на правду, право направо/ Право налево,/ На куда».

Полтора десятка лет назад я приводил эти строчки Ильи Кричевского, одного из тех четырёх молодых москвичей, что погибли в дни ГКЧП, в книге, которая называлась «На пути к профессионально-правильному: российский медиа-этнос как территории поиска». Книга, выросшая из цепочки семинаров с региональными журналистами, сочетала фрагменты теории профессиональной этики жур-

налиста со множеством «кейсов»; задачей её изначально ставилась не раздача заведомо неверных «верных решений», готовых рецептов на все случаи жизни, а пробуждение – в способных просыпаться – внимания и интереса к собственной профессии. И оказание скорой помощи – через пробуждение рефлексии, через работу с ориентирами – тем журналистами, которые стремились стать не просто узнаваемыми именами, не просто успешными по заработку, но уважаемыми, рукопожатными профессионалами.

Но вот в чем должен признаться: формулу «право на право» Кричевского я, застолбивший в свой время формулу «право на этику», услышал сегодня фактически заново: как совершенно самостоятельную, жизненно важную для всех нас и при этом недооценённую десятилетия назад профессионально-гражданскую интенцию.

Оглядываясь из далёкого нынешнего сначала на позднесоветский «Закон о печати и других средствах массовой информации», упразднивший цензуру в СМИ (ГКЧП ведь был реакцией и на этот закон тоже), а затем и на дорогой мне отдельно Закон РФ «О средствах массовой информации», я и хотел бы сказать что-то вроде: право на законодательство о СМИ, право на медиаправо наша страна и наша журналистика если и не выстрадали, то выносили, да не могу; язык не поворачивается. И вот почему

Да, до августа 1991-го были пять с половиной лет перестройки: с самостийной, бурной, но ведь и условной, подцензурной свободой печати: с «Московскими новостями» Егора Яковлева, с «Огонь-

ком» Виталия Коротича, с программами Молодёжной студии на ЦТ, которой руководил Эдуард Сагалаев, с теми же (хотя и совсем другие, чем всё названное) невзоровскими «60 секундами» на тогда ещё ленинградском телевидении. Но когда и на эту условную, подцензурную свободу покусился тот же самый ГКЧП: кто из советских журналистов, кроме девушки в клетчатом платье, Тани Малкиной, рискнул задать гэкачепистам на их печально-знаменитой пресс-конференции свободные, честные, разоблачающие, т. е. именно журналистские вопросы о главном на тот момент и для страны, и для самих журналистов?

3. Я порой и сегодня показываю видеозапись той самой пресс-конференции ГКЧП на семинарах. Говорю журналистам: следите не за руками Янаева (с ними всё вы порядке; «дрожащие руки ГКЧП» — миф, не подтверждаемый кадрами). И даже не столько за его и его подельников ответами, сколько за тем, кто и какие задаёт вопросы. О чем и в какой форме спрашивают «западники» — и о чем беспокоятся, чем интересуются журналисты позднесоветские: уже год к тому времени прожившие с советским «Законом о печати»: «альтернативным» не только по инициативной форме возникновения проекта, но и по содержанию; от тройки отцов-основателей (Батурин, Федотов, Энтин).

Впервые за годы преодолеваю показной синдром (от «показать кадры» в данном случае). Не свидетельствую, поскольку на тот момент был далеко от Москвы, но предлагаю фрагменты своей расшифровки тех сорока минут исторического «мероприя-

тия», которые были заняты не стартовой декларацией путчистов, а именно вопросами странноватой, нужно признать, аудитории, заполнившей тогдашний пресс-центр МИД СССР, – и, отчасти, ответами на эти вопросы.

Итак: 19 августа 1991 г. Формально «цензура массовой информации» упразднена четырнадцать месяцев назад. («Не допускается» – формула ст. 3 «Свобода печати» Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 14 июня 1990 г.). Но в ночь на 19-е создан ГКЧП и буквально только что стало известно не только о введении режима чрезвычайного положения в Москве и ещё в каких-то (неизвестно каких пока ещё) регионах, но и о том, что некоторые известные СМИ объявляются ГКЧП закрытыми.

Возле АПН (а пресс-центр МИД вписан в здание АПН на Зубовском бульваре) стоят танки; все люди в зале, где проходит пресс-конференция, находятся в состоянии психологического дискомфорта, это понятно.

Но вот вопросы «западников» (привожу четыре из семи):

Newsweek. «Где находится М. С. Горбачев? Чем он болен? Не могли бы вы конкретно указать, от какой болезни он страдает? И: против кого направлены пушки тех танков, которые мы видели сегодня на улицах Москвы, ради чего они выставлены на улицах Москвы?».

La Stampa. «Два вопроса к господину Янаеву. Первый вопрос: можете ли нам сказать, каково состояние Вашего здоровья? Второй вопрос: чрезвычайное положение может быть введено – по Кон-

ституции – исключительно Президентом страны или Президиумом Верховного Совета СССР: с обязательным соглашением с республиками. Никто из этих трёх субъектов не принимал такого решения. И не предусматривается формирование никакого Комитета спасения (...). Намерены ли Вы немедленно созвать собрание Верховного Совета СССР?»

Corriere Della Sera. «Вопрос о Михаиле Сергеевиче Горбачёве. Обсуждали ли вы с ним вопрос о взятии вами власти, согласился ли он с вами? Почему нет медицинского заключения о состоянии его здоровья? И второй вопрос, учитывая формулировку вашего коммюнике: запрашивали ли вы совета у генерала Пиночета?»

Associated Press. «Вопрос к г-ну Янаеву. Ваш комитет готов отдать приказ о применении силы против гражданских лиц? И при каких условиях будет применена сила против гражданского населения?»

А вот вопросы (но вопросы ли?) журналистов московских, советских:

Газета «Правда». «Перестройка не принесла ощутимых результатов, в том числе потому, что не было четкой тактики и стратегии её реализации. Есть ли у вас конкретная программа возрождения экономики страны, в частности, будут ли действовать ранее принятые законы, будет ли продолжаться движение к рынку? И второй вопрос. Российское информационное агентство передало сегодня обращение Ельцина, Силаева и Хасбулатова к гражданам России. В нём события прошедшей ночи охарактеризованы как правый реакционный ан-

तिकонституционный переворот. Ваше отношение к этому заявлению – и вторая часть этого же вопроса. В этом же обращении прозвучал призыв к всеобщей бессрочной забастовке. На мой взгляд, подобные обращения могут привести к самым трагическим последствиям. В связи с этим: будут ли по этому поводу предприняты Комитетом какие-то конкретные действия?»

Центральное телевидение. «Государственный комитет по чрезвычайному положению в своем обращении к народу заявил о том, что в первую очередь будет заботиться об интересах самых широких слоёв населения, будет стремиться решить продовольственную и жилищную проблему. Скажите, какие конкретные меры предполагается принять для этого – и какими ресурсами, резервами для этого располагает Государственный комитет?»

Информационное агентство «Новости». У меня два вопроса: товарищу Пуго и товарищу Стародубцеву. Борис Карлович, в последнее время говорилось и писалось о необходимости борьбы с преступностью очень много. Что нового сейчас вы предполагаете внести в решение этого вопроса? Второй вопрос к товарищу Стародубцеву. Как вы полагаете, а вы имеете связи с крестьянской массой: поддержит крестьянская масса Комитет по чрезвычайному положению?

Безымянный представитель СМИ. «У меня вопрос к товарищу Бакланову. Скажите, какие меры вы собираетесь принять для того, чтобы решить именно жилищную, продовольственную программу именно для военнослужащих, которые в некоторых регионах после вывода войск находятся

буквально в бедственном положении. Теперь вопрос к товарищу Янаеву. Уважаемый товарищ Янаев, я помню, что Вы длительное время работали в профсоюзах. И довольно-таки успешно даже на поприще международных связей профсоюзов. У меня к Вам вопрос такого порядка. Скажите, пожалуйста, готовы ли Вы предпринять какие-то конституционные, законные шаги против указа Ельцина, направленного не только против департизации общества, но и против разрушения профсоюзных структур. И вопрос к уважаемому товарищу Пуго. Я знаю, что ваше министерство находится буквально в бедственном, подвешенном состоянии. И в финансовом, и в техническом оснащении органов внутренних дел. А кроме того – развязаны все узлы связи с некоторыми регионами, и, в частности, с Прибалтикой, где министерства внутренних дел попали буквально под власть сепаратистов. Скажите, вы предпримете какие-то шаги к какой-то хотя бы сносной централизации службы общественного порядка?»

Безымянный представитель СМИ. «В вашем комитете восемь человек. При таком составе есть трудности голосования, – как будете решать этот вопрос? Может быть, кооптируете туда Анатолия Ивановича Лукьянова? И второй вопрос: возможно ли расследование некоторых фактов деятельности М. С. Горбачева, скажем, участия в сделке Тенгиза?»

Нет, конечно, и у «западников» были частности, уточнения на понимание ситуации. Корреспондента германского **ADN**, например, интересовал вопрос о том, будут ли выполняться в новых условиях

советско-германские соглашения, будут ли в срок выводиться советские войска с территории бывшей ГДР, в том числе. А корреспондента румынского информагентства – реакция на обращение ГКЧП к государствам мира и к генсеку ООН.

Да ведь и с советской стороны не всё было так печально знакомо. Корреспондент «Интерфакса», к примеру, задав вопросы вполне лояльные к властезаменителям («Скажите, пожалуйста, вот вы упомянули о том, что каждый гражданин СССР будет иметь возможность обдумать свою позицию в отношении Союзного договора. Означает ли это, что будет проведён референдум? И ещё: какова позиция Чрезвычайного комитета в отношении республик Прибалтики, Грузии, Армении и Молдавии, которые намерены не подписывать Союзный договор?»), спрашивает: «Знал ли Михаил Сергеевич о том, что сегодня вводится чрезвычайное положение и о создании этого Комитета?». (Чем добивается достаточно неожиданного признания-саморазоблачения и. о. президента: «Я думаю, что президент Горбачев понимает, поймёт нас (...)).») И представитель телевидения «Новостей» спрашивает не только о том, как понимать «в отдельных местах введено чрезвычайное положение», что эти «отдельные места» означают и где они расположены географически, но и задаёт конкретный вопрос: когда журналисты смогут встретиться с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым? И даже редактор наперёд просчитываемого, казалось бы, журнала «Вопросы истории КПСС» вдруг спрашивает Янаева: «Уверены ли Вы, (...) что все реформы, о которых мы сегодня слышали (...), будут поддержаны со-

ветским народом? Ведь в противном случае Вы окажетесь полководцем без армии?»

Но на самом-то деле, только совсем юная Татьяна Малкина из «Независимой газеты» с её как бы простодушным обращением к людям за столом, покрытым классической казённой зелёной скатертью («Скажите, пожалуйста, понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот, и какое из сравнений вам кажется более корректным: с семнадцатым или с шестьдесят четвёртым годом?»), да разве что оставшийся самим собой и в этой ситуации Александр Бовин («У меня вопрос к Стародубцеву. А не могли бы Вы сказать конкретно: кто вас избрал в этот Комитет? Или пригласил в этот комитет? Как Вы оказались здесь, вот в этой компании?») спасают лицо советской журналистики. Т. е. обозначаю саму ситуацию, в которой обнаруживает себя страна при ГКЧП, как минимум, как ненормальную, недопустимую в демократическом государстве. Все же остальные её принимают как данность: уточняя разве что правила игры – или и вовсе начиная что-то сразу по привычке подсказывать новым «хозяевам».

Это всё – о «праве на право»: нет, не завоевали. И не заслужили: получили задаром, не сильно понимая – зачем и кому это нужно, не стремясь полученным распорядиться именно правильно, профессионально.

И тут сугубо дилетантская реплика: в оправдание того, что эпизод с ГКЧП попал в текст, посвященный постсоветскому, из другого исторического времени (так нам тогда казалось, по крайней мере)

Закону РФ «О СМИ», творению тех же отцов-основателей, по факту перешедших на этом новом этапе в основательные отцы свободы печати и массовой информации. На той же пресс-конференции прозвучал вопрос корреспондента еженедельника «Аргументы и факты» о закрытии ГКЧП некоторых московских газет (среди перечисленных были и «Московские новости», и сами «Аргументы и факты»): «На какой срок закрыты эти газеты, и когда они откроются?» Вот ответ Янаева, дословно: «Если мы вводим чрезвычайное положение, мы должны будем перерегистрировать некоторые наши издания. Перерегистрировать. Речь не идёт о закрытии газет, только о перерегистрации. Потому, что в том хаосе, в котором оказалась страна, в значительной степени повинны и некоторые средства массовой информации».

Про «хаос» и «повинность» — понятно. Но на глазах почтенной публики под танковыми стволами, возникает из перегретого воздуха институт фантом перерегистрации СМИ: не предусмотренный, как понимаю, Законом СССР «О печати...».

Горячую тему тут же подхватывает та же Татьяна Малкина: «Во-первых, сколько времени будет занимать перерегистрация газет. Во-вторых, каков будет критерий: перерегистрировать или нет издание? Кто будет этим заниматься? И будет ли введена в перерегистрированных изданиях политическая цензура?»

Бог с ними, с ответами Янаева; они менее важны для истории (свободы массовой информации, по крайней мере), чем вопросы.

Обратим внимание на то, однако, что институт перерегистрации СМИ закрепляется всего-то четыре месяца спустя в Законе РФ «О средствах массовой информации» (ст. 11 «Перерегистрация и уведомление»), т. е. выводится из зоны произвола и вводится в правовое поле. А также и на то, что менее, чем через два года после принятия Закона РФ «О СМИ», в октябре 1993-го, в сфере массовой информации обнаруживается именно политическая цензура. В том числе, в зримом своём проявлении: в виде белых пятен на газетных полосах...

Почему обращаю на это внимание? Для того, чтобы напомнить о первом, давным-давно обнаруженном внутреннем ограничении замечательного Закона «О СМИ»: он далеко не всегда крайний, решающий, когда речь идёт о свободе печати и массовой информации, о судьбе журналистики и конкретного журналиста.

Это – реплика; право, законодательство – не моё поле, однако.

Переходя на своё, говорю о втором ограничении Закона РФ «О СМИ»: возвращаясь на минуту к тому, чем же отличались вопросы Малкиной и Бовина от всех остальных «журналистских советских». Она – в большей степени, он – в меньшей, но тоже ведь достаточно рискованно, обозначили себя носителями превосходящего «общественного интереса», «сторожевыми псами» того пока ещё постсоветского, но ведь уже объявившего себя демократическим общества, для которого свобода слова, свобода массовой информации были не пустым звуком, а условием формирования механизмов реализации и защиты всех остальных свобод и

прав человека в их бытовом, повседневном, а не плакатном виде.

Понятно, что никакой закон, даже и самый лучший, не может обязать журналиста быть тем, кем ему предписано быть – в силу специфики профессии; ничего личного, – профессиональной этикой (именно журналиста, заметим, а не врача, не учителя, не священнослужителя, не учёного).

И вот здесь – о специфике уже не профессии, а истории становления профессиональной этики журналиста в нашей стране. И по этому поводу тоже или даже именно – о Законе РФ «О СМИ».

4. Почти два десятка лет назад, собирая первый выпуск книжки «Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы», я вставил в её архивный раздел замечательный документ: «Каноны журнализма. Этические правила, принятые Американским обществом редакторов газет 28 апреля 1923 г.» К «канонам» там и тогда были отнесены – передаю только назывное – «ответственность», «свобода печати», «независимость», «искренность, правдивость, точность», «беспристрастность», «добросовестность», «благопристойность»¹.

Не обсуждаю ни современности позиций, ни национальной профессиональной практики, мне малознакомой. Говорю только о том, что медиаэтические (а не просто профессионально-этические, собственно журналистские) «каноны»

¹ См. подр.: Профессиональная этика журналистов: В 2-х т. / Фонд защиты гласности; Сост. Ю. В. Казаков. М.: Галерея, 1999.

были выработаны и приняты в США почти сто лет назад конкретной организацией, Американским обществом редакторов газет. Т. е. в реальное профессиональное журналистское пространство нормативные представления пришли именно из медийной, при этом редакторской, при этом неотрывной от позиции владельцев СМИ, внутренней среды. Это – один путь.

Другой, хорошо известный европейским журналистам: когда профессиональные принципы, нормы, правила поведения приходят через национальный кодекс, вырабатываемый органом саморегулирования, Советом прессы (как бы он сегодня в одном или другом месте не назывался.) Так создавался глубоко симпатичный мне германский Кодекс прессы, например, обнародованный на семнадцатом (!) году существования Германского Совета прессы.

Третий путь, альтернативный первым двум, обозначился сначала в позднем СССР, а затем в России. Здесь, ломая партийно-государственное (читай – внегражданское и внепрофессиональное) представление о должном в журналистике, профессионально-этические позиции вводились в нормы последовательно принятых законов: сначала советского «О печати...» (1990 г.), а затем и российского «О средствах массовой информации» (1991 г.).

На переходе от СМИаП к СМИ журналисты у нас именно через закон получили, строго говоря, «минимальный профессиональный стандарт»: закрепивший представление о нормативных правах и обязанностях журналиста. Тут – не норма, исто-

рическая особенность становления и свободы слова, и журналистики как профессии.

Необходимая оговорка. О ряде привычных, устоявшихся позиций в упоминаемых законах я говорю одновременно и с глубочайшей гражданской благодарностью, но и с профессиональным, академическим, если угодно, сожалением. Поясняю, с чем связано второе: авторы законопроекта, а затем и законодатели, введя в закон ряд позиций в качестве нормативных, обязательных к исполнению журналистом, упустили из виду то обстоятельство, что позиции эти во всем мире полагаются не правовыми, а именно профессионально-этическими по характеру и содержанию. Предписав журналисту определенное буквой закона поведение в ситуациях, требующих именно профессионального самоопределения, отцы-основатели тем самым лишили не просто отдельного журналиста, но профессиональное сообщество журналистов законного права на выбор соответствующей, впору себе этической нормы. Права на выработку представлений о нормативном, поощряемом или отвергаемом конкретной профессией в принципе или же в конкретных ситуациях.

Полагаю, в ситуации угрозы и профессиональной энтропии, в том числе, предвидимой на сломе старых, устоявшихся в советской журналистике порядков, авторы закона выбрали «меньшее зло»: директивно обязав, например, журналиста «сохранять конфиденциальность информации и (или) её источника». Но вот вопрос на понимание: а единственная ли это (или: а самая ли правильная) форма защиты и конфиденента, и журналиста, и гражда-

нина, и общества? Уточняю: через три года после введения в силу Закона РФ «О СМИ» в Кодексе профессиональной этики российского журналиста появилась следующая позиция: «Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к раскрытию этого источника. Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба для людей». Вопрос: как быть журналисту в ситуации, когда его Кодекс разошёлся с его же базовым законом?

Это – ответ на вопрос организаторов конференции о «пороках». Других за законом, к которому относись с тем же почтением, что и четверть века назад, не заметил.

5. Здесь – о другой, но отчасти и той же специфике становления нормативных основ профессиональной журналистики в России. Когда-то, лет пятнадцать назад, я с благодарностью принял на одной из научных конференций подсказку известного российского социолога, который, помогая мне, этику, с представлением картины никак не выстраивающегося в России журналистского сообщества, заметил: так у вас в журналистике – как у нас в социологии, получается: социологи есть, а социологии нет?

Тогда-то я впервые покатал на языке эту не раз затем использованную формулу: в России есть журналисты, но нет журналистики.

Почему так? Да потому, что не выстраивается, не приживается, по большому счёту, объединяющая профессионально-этическая составляющая журналистики: как потребность, основа жизни в профессии, критерий в определении результата повседневной практики конкретного СМИ и конкретного журналиста.

Не уверен, что дело тут в недостатках написанных или даже принятых кодексов, скорее – в отсутствии потребности в оглядке на них, на профессиональную норму у большинства журналистов.

Наверное, и в этом тоже причина того, что период нормотворчества в российской медиасреде не затянулся. Всплеск 1994 г., когда увидели свет Кодекс профессиональной этики российского журналиста и Декларация Московской хартии журналистов, фактически исчерпал усилия, так сказать, первые постсоветские. (На Кодекс профессиональной этики, поскольку он относится формально ко всем членам Союза журналистов России, Ответственная коллегия по жалобам на прессу время от времени ссылается, но что-то я не помню случая, чтобы ссылки эти кого-то к чему-то побудили; документ этот, по большому счёту, много лет находится в состоянии летаргического сна...)

В 1997 г. свет увидел замечательный, но частный, специализированный документ тогда ещё живой, активной Гильдии судебных репортёров: Декларация о принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналист-

ского расследования. (Коллегия и по сей день на этот документ ссылается как ориентир профессионально-значимый, существенно важный для журналиста, который работает в соответствующих жанрах или с текстами, требующими определенной профессиональной рефлексии.) А в 1999 г. ведущими телерадиокомпаниями был подписан конъюнктурный, как быстро выяснилось, и при этом крайне слабый в собственно медиаэтическом смысле документ, именуемый Хартией телерадиовещателей. (С Хартией все совсем никак, документ этот умер за пять минут до своего подписания, что называется; ни для одного из подписантов он не является ориентиром. Но, поскольку ни один из этих самых подписантов подписи своей под ним не отозвал, Коллегия на Хартию время от времени также ссылается: за отсутствием других телевизионных и радиальных документов, – хотя и сугубо ритуально, должен сознаться.)

Этических нормативных документов (кодексов, хартий и т. д.), датированных «нулевыми» или «десятыми» годами, в России не обнаруживается; отсутствием профессиональных стандартов и намерением продвижения к ним российская журналистика по факту не озабочена.

Этому можно удивляться, этим можно огорчаться, но вот ситуация: ни один из названных выше «нормативных» документов не заметил наступления новейшего времени. Тот же феномен «новых медиа», не говоря уже о сетевой коммуникации, ни в одном российском медиаэтическом или профессионально-этическом документе не зафиксирован. Почему? Да за ненадобностью, за отсутствием

нужды на это всё, малозначимое, оглядываться с позиций именно профессионально-этических. Будем поступать по закону, если что. Ну, а дальше – сказка про белого бычка: об ограничениях закона, о невозможности для профессии жить только по закону, без оглядки на профессиональную этику. Но это же всё – в теории, в устоявшихся демократиях. Нам-то, местным, идущим по всем направлениям своим путём, до этого какое дело?..

Года три назад на журналистском фестивале в Дагомысе Галина Арапова, блестящий медиаюрист, дала замечательное определение ситуации, которую наблюдает повседневно, защищая журналиста и редакции СМИ в российских судах или в Европейском суде по правам человека. Российский журналист, сказала она, это человек, который плывёт против течения в растворе серной кислоты.

Формулировка броская, запоминающаяся. Но ведь и предполагающая уточнения: против течения – это как? А серная кислота – это что?

Не хочется отвечать мимоходом, но из множества существующих выделю, может быть, самый важный именно для настоящего текста момент. Против течения, как я понимаю, это вопреки нарастающей деградации квазигражданского общества. А в растворе серной кислоты – это в условиях одновременно и нарастающей деградации законодательства о СМИ, и нарастающего медиаэтического нигилизма в среде людей и институций, которые у нас и до сих пор не называются «собственниками СМИ».

Про общество, которое снова становится опасно провластным, некритичным, задавая в итоге – реакцией на публикации-раздражители – журналисту определенные рамки дозволенного и недопустимого при обсуждении сложных, чувствительных ситуаций, – суждение дилетанта, конечно же, не эксперта по этому самому обществу, хотя и подкрепляемое не одним и не двумя свидетельствами самих журналистов при рассмотрении конкретных «кейсов». Тут, давайте уж начистоту, есть ещё, нарастает не со вчера известная, но выходящая на новый рубеж проблема активного наступления на все сферы жизни этики традиционной, задаваемой ныне российскому обществу в качестве едва ли не главной и важной для консолидации и устойчивого развития. Не обсуждая основательности самой этой установки, обращаю внимание: рациональная и традиционная этика на одной площадке не уживаются. Так что вопрос: удержатся ли начатки профессиональной этики журналиста в обществе, активно склоняемому к этике традиционной, куда как серьёзен.

Про влияние изменяющегося законодательства на то, что пока ещё может и чего уже практически не может позволить себе журналист: позвольте, но если нравственный (профессионально-нравственный, уточняя) долг повелевает журналисту вести дискуссию с возможными оппонентами всерьёз, проясняя тот же общественный интерес и характер его возможной защиты, а закон говорит ему при этом из-за плеча: ты туда ходи, а сюда не ходи, подорвёшься на слове, обнаружишься экстремистом, то какой уж тут профессиональ-

ный долг и какая профессиональная этика? И при чём здесь вообще свобода массовой информации?

И зачем, по большому счёту, государству цензура при массивных побуждениях журналиста к нравственному конформизму, к цинизму, если угодно: и со стороны граждан. И со стороны власти (что там было сказано насчет воли хозяина российским госчиновником в МГУ года три назад? Кто всерьёз полагает, что госчиновник сболтнул почём зря, а не попытался, пользуясь случаем, вразумить вразумляемых?). И со стороны закона. И со стороны владельца СМИ, который той же Коллегии, разбирающей профессионально-этический в основе спор, с усмешкой отвечает: все претензии ко мне – только через суд...

Не хочу всё переводить в логику «не вините журналиста». Вспоминаю формулу в одном из Посланий Бориса Ельцина: «Журналистика – последний рубеж демократии». Если власть, полагающая себя демократической, позволяет себе так, а не иначе, относиться к журналистике, то это вина не только власти и не только молчаливого большинства российских граждан, привычно переключающих кнопки на пульте ТВ, но и самой журналистики, самих журналистов.

Если «образ врага» начинает доминировать в политической и властной культуре, если обнуляются площадки, на которых можно свободно обсуждать предмет, именуемый «свободой слова», если реальные защитники этой свободы, защитники прав и свобод журналиста вынуждаются носить несмыслимый ярлык «иностранный агент», то это тоже вина не только власти (хотя, прежде всего, – её,

конечно же) и не только молчаливого большинства граждан, но и большинства журналистов, такую ситуацию принимающих, пусть даже как неизбежное зло.

Но: если в России за четверть века жизни по Закону РФ «О СМИ» не образовалось устойчивого большинства ориентированных на профессиональные стандарты журналистов, если в ней не образовалось критически важного по масштабу массива цивилизованных собственников, владельцев СМИ, задумавшихся всерьёз о согласовании собственных требований, предъявляемых к своему журналисту, с профессионально-этическими нормами конкретных профессиональных ассоциаций журналистов, то это все же вина, как мне кажется, и Закона «О СМИ» тоже. Почему? Да потому, в том числе, что в нём не случилось изначально (это-то понятно и объяснимо), но, главное, не образовалось за четверть века специальной отсылки к профессиональной этике журналиста, – такой, например, какая обнаруживается в решениях ЕСПЧ. Подставляюсь (дилетант), но при этом очень рассчитываю на конструктивное понимание именно юристами того, что пытаюсь сформулировать с оглядкой, например, на постановление Суда по делу «Бергенс Тиденде и другие против Норвегии» от 2 мая 2000 г. (жалоба №26131/95). Цитирую: «... защита журналистов, предписанная статьёй 10 в отношении публикации материалов, представляющих общественный интерес, осуществляется при соблюдении условия, что они должны действовать добросовестно, чтобы предоставить достоверную и

надёжную информацию в соответствии с нормами журналистской этики».

Никоим образом не толкая под руку основателей, но рассчитывая на их внимание, формулирую свой посыл так: закон, отказываясь от замещения своими нормами норм профессионально-этических (вспомним замечательную конструкцию Софийской декларации: «Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить только от самих журналистов»), должен содержать пусть самую общую, но внятную, если угодно – императивную отсылку к «нормам профессиональной этики».

Как показывает практика, нормы того же Кодекса этики профессионального журналиста, формально обязательные для тех, к кому относятся, совершенно не интересуют собственника, для которого СМИ – это бизнес или элемент влияния, канал связи с той же властью. Радикальный разрыв представлений, заложенных в Кодекс, и жестких требований, предъявляемых к журналисту его работодателем, не носит характера когнитивного диссонанса: большинство журналистов следует воле и установке собственника, но не нормативности профессионально этического документа.

Так, может быть, в консерватории что-то подправить, как говорил классик: именем нормы закона предписать собственнику уважение «нормы журналистской профессии»?

Это – об уроках, которые хороши только тогда, когда и если усваиваются.

6. Ну, и последнее: о пророках, временах и чувстве времени. Две реплики и одна картинка из жизни.

В 1965 г., когда мне оставался ещё год до поступления на журфак, Иосиф Бродский написал «Песенку о свободе». Начинается песенка чудным букетом метафор: «Ах, свобода, ах, свобода./ Ты – пятое время года./ Ты – листик на ветке ели./ Ты – восьмой день недели». Дальше – припевочка к «песенке»: «Ах, свобода, ах, свобода./ У меня одна забота./ почему на свете нет завода,/ где бы делалась свобода?»

Господи, да вот же она, эта искомая метафора: свободная пресса как завод, производящий свободу...

Не проходит, не катит, однако. У поэта (через повтор припевочки: «Почему на свете нет завода,/ где бы делалась свобода?») предсказание-пророчество: «Ах, свобода, ах, свобода./ У тебя своя погода./ У тебя – капризный климат./ Ты наступишь, но тебя не примут».

Находить ли утешение в том, что теперь и у России есть опыт наступления свободы? Это реплика первая.

Картинка из жизни. Примерно в середине того промежутка, который отделял «Закон о печати» от «Закона о СМИ», весной 1991 г., квартирующий на Рейне лебедь (их там множество, на самом деле) попытался перелететь поверху мост между Бонном и Бойель-Митте: вылетело из головы его название, простите. Но что-то в полёте не задалось, и очень крупная птица, зацепившись за перила почти в середине моста, перемахнула пешеходную дорожку

и рухнула на проезжую часть. А теперь представьте себе картину: в час пик замирает поток машин. Водитель, успевший затормозить, срывает с себя куртку, укрывает лебедя, выставляет знак аварийной остановки. Это же делают водители ещё двух машин, которые после короткого совещания бегут в разные стороны моста, искать телефон, чтобы позвонить в службу спасения. А Рейн по ширине – не Москва-река.

Не знаю, спасли ли того лебедя: надеюсь. Навсегда запомнил эту личную, но ведь и групповую человеческую реакцию, гуманизм в прямом, коротком действии; участие как сопротивление участи.

Не вдруг, через годы сообразил: на мосту в Бонне «в моё время», в 1991 г., ни у одного из сотен водителей не нашлось мобильного телефона. По современным понятиям – другая эпоха, почти каменный век.

А теперь вторая реплика: из времени мобильных телефонов и интернета, в котором находится всё и потихоньку растворяется потребность в традиционных СМИ. В начале 80-х, во времена почти критического обострения «холодной войны», не было советского человека, который не знал бы словосочетания «Часы Судного дня». На этих условных часах, придуманных как знаковый образ американскими физиками, занимавшимися разработкой атомной бомбы, стрелки переводятся авторитетными экспертами: в жесткой логике «до Апокалипсиса осталось...»

Но я-то здесь не о международной напряжённости, а о свободе СМИ. О перспективах российской журналистики. О судьбе общества, которое ест то,

что ему дают, и вроде как не требует ничего иного, чем получает.

Видит бог, я не алармист. Но что-то (наверное, возраст) подсказывает мне, что образ истекающего времени свободы СМИ, своего рода песочные часы, которые сами-то по себе не переворачиваются, есть резон начинать, как минимум всерьёз обсуждать: и медиаюристам, и медиаэтикам, и самим журналистам, и тем, для кого они – все, такие разные – работают.

Я понимаю, что песочные часы и часы Судного дня – не родственники. Я также понимаю, что не то, чтобы 18 Нобелевских лауреатов, как в случае с часами «апокалиптическими», но и полсотни экспертов, способных оторваться от своего, насущного, ради условного измерения объёма оставшихся в одной из полостей клепсидры «крупинки свободы» мы вряд ли соберём. Но давайте хотя бы поставим вслух такую задачку: всерьёз, что называется, по гамбургскому счёту проинвентаризировать реальную российскую ситуацию со свободой массовой информации, попробовать выстроить прогноз развития событий, поискать способы удержания этой свободы на плаву.

И, кстати же, почему бы не начать эту большую общую работу с частной, но тоже куда как важной: с попытки понять и публично оценить то, как же десятки и десятки поправок, внесённых в Закон РФ «О средствах массовой информации», повлияли на свободу этой самой массовой информации в её практическом выражении.

Я-то, фиксируя очередную такую поправку, вспоминаю обычно детскую игру «морской бой»: реплики «мимо», «мимо», «горю», «горю»...

Но это уже – третья, внеплановая реплика.

Библиографический список:

1. Профессиональная этика журналистов: В 2-х т. / Фонд защиты гласности; Сост. Ю. В. Казаков. М.: Галерея, 1999.

И. А. КУМЫЛГАНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; факультет журналистики; кандидат филологических наук, доцент (125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9; тел.: (495) 629-37-80; kafedra.zarubezhka@mail.ru)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МЕДИАСОВЕТОВ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ¹

Ключевые слова: медийное саморегулирование; медиасовет; транснациональные медийные ассоциации; Европейский альянс независимых советов по делам прессы; системы обеспечения ответственности СМИ; журналистская подотчетность

Аннотация. В статье рассматривается актуальная практика транснационального сотрудничества по вопросам медийной ответственности и саморегулирования. Обосновывая необходимость исследования изменений в системах медийной подотчетности, автор представляет зарубежный опыт на примере изучения европейских институтов само-

¹ Материалы традиционной научно-практической конференции Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ ВШЭ, посвященной очередной годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» (г. Москва, 29 декабря 2016 г.)

регулирования СМИ. Особое место отведено анализу современных вызовов медиасовету как институту саморегулирования.

В современной мировой практике медиасовет является, пожалуй, самой распространенной формой журналистского саморегулирования. Предполагается, что он независим от правительства или судебной системы. Идея его функционирования основывается на том, что свобода прессы возможна только при поддержании профессиональных стандартов и исправлении ошибок, повлекших недовольство аудитории журналистской работой. Поэтому советы занимаются, в частности, разработкой этических кодексов, мониторингом их нарушений журналистами и редакторами СМИ, рассмотрением жалоб на медиаконтент, а также на действия отдельных представителей массмедиа в вопросах соблюдения профессиональной морали. По сути, этот институт является формой корпоративной ответственности, позволяющей людям бесплатно и без привлечения адвокатов жаловаться на прессу.

Единой модели данного органа саморегулирования не существует, каждая организация адаптирует свои регулирующие функции к местным социокультурным и политическим условиям, при этом называться этот орган может по-разному: совет, комиссия, палата, жюри, медиаобсерватория (во франкоязычных странах Западной и Центральной Африки).

На данный момент в Европе существуют разного уровня транснациональные объединения таких независимых от органов государственной власти институтов регулирования медиасообщества, в частности альянсы советов стран Скандинавии, Балканского полуострова, Балтии, постсоветского пространства (СОМС) и т. д.

Наиболее весомым по составу и результатам своей деятельности среди подобных объединений является Европейский альянс независимых советов по делам прессы (AIPCE)¹.

В работе Альянса главенствующее место отведено независимости контроля редакционного содержания СМИ от органов власти. Среди целей организации особо подчеркивается, что медиапрофессионалы должны заниматься не только разработкой этических норм и стандартов, но и надзором за их соблюдением. Другими словами, подразумевается, что регулирование этического характера необходимо осуществлять самим журналистам и издателям (учитывающим при этом общественное мнение), а отнюдь не представителям государственных структур.

Члены AIPCE поддерживают тесные связи с международными организациями, такими как ОБСЕ, ЮНЕСКО, Европейская Комиссия и Совет Европы, которые, как правило, делегируют своих представители на регулярные встречи участников

¹ Европейский Альянс независимых советов по делам прессы – the Alliance of Independent Press Councils of Europe, AIPCE // <http://www.aipce.net> (Сайт функционирует под патронажем британского совета по печати Independent Press Standards Organisation (IPSO)).

Альянса. Со времени своего основания в 1999 г. члены АІРСЕ ежегодно собираются в той или иной европейской столице (исключением явился 2013 г. – сессия проходила в Тель-Авиве), чтобы обозначить и проанализировать наиболее проблемные в своей сфере.

Российская Федерация также имеет своего представителя в международной институции – Общественную коллегию по жалобам на прессу, единственный на сегодняшний день классический орган саморегулирования средств массовой информации в нашей стране. В октябре 2011 г. Москва приняла очередную XIII международную конференцию АІРСЕ. Организаторами данного мероприятия выступили Гильдия издателей периодической печати и Союз журналистов России при поддержке Общественной палаты Российской Федерации, Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Благотворительного фонда «Милосердие» и агентства «Творческие индустрии».

В московском форуме помимо делегатов от европейских организаций приняли участие и представители стран Ближнего Востока, а также наблюдатели из Новой Зеландии, ряда стран Африки, Азии и Латинской Америки – в целом, более чем 20 государств направили своих экспертов. Таким образом, на момент своего проведения XIII конференция являлась одним из наиболее представительных международных форумов организаций медийного саморегулирования за всю историю существования Европейского Альянса независимых советов по делам прессы. Именно на ней де-

легаты из семи постсоветских государств (Армении, Азербайджана, Грузии, Кыргызстана, России, Таджикистана и Украины) подписали соглашение о создании нового союза – неформальной сети органов медийного саморегулирования в средствах массовой информации на постсоветском пространстве¹. СОМС как региональная платформа для взаимодействия медиапрофессионалов стала одной из самых «молодых игроков» на международном поле деятельности АІРСЕ.

Следует заметить, что большинство европейских стран являются постоянными участниками мероприятий АІРСЕ с момента его создания, однако формального членства или центрального органа (секретариата) у Альянса нет (см. табл. 1. Европейские организации, участвующие в работе АІРСЕ). Список стран, представляемых на международных рабочих встречах, пополняется ежегодно. К примеру, за последние пять лет к европейским советам, участвующим в работе АІРСЕ, присоединились организации из Австрии (Austria Press Council), Грузии (Charter of Journalistic Ethics), Македонии (Council of Media Ethics of Macedonia), Сербии (Serbian Press Council), Хорватии (Croatian Press Council).

Текущие преобразования в информационно-коммуникационной сфере побуждают некоторые страны направлять делегатов из нескольких национальных медиасоветов. Венгрию вместо одной организации – Центра для независимой журнали-

¹ Меморандум о создании Сети организаций медийного саморегулирования. 2011, 7 октября // <http://president-sovet.ru>

стики (Center for Independent Journalism) – теперь представляют две – Форум редакторов (Editors' Forum) и Ассоциация контент провайдеров (Association of Content Providers), от Испании также добавился второй участник – Комиссия по жалобам на масс-медиа (Journalism Mass Media Complaints Commission). Кроме того, за означенный период в деятельности АІРСЕ произошли структурные изменения и в самих медиасоветах, а некоторые национальные органы саморегулирования претерпели коренные трансформации, что, соответственно, отразилось и на участии в работе Европейского альянса. Среди наиболее показательных примеров – недавняя история реформирования британского совета по делам прессы¹.

Таблица 1.

Европейские организации,
участвующие в работе АІРСЕ

Страна	Названия организаций, являющихся постоянными участниками АІРСЕ (данные на 25 января 2017 г.)
Австрия	Austria Press Council
Азербайджан	Press Council
Армения	Yerevan Press Club
Бельгия (Вал-	Conseil de Deontologie

¹ Подр. см.: *Кумылганова И. А.* Медийное самоуправление в поисках актуальной модели // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 449-458.

лонский регион)	
Бельгия (Фламандский регион)	Raad voor de Journalistiek, (RvdJ, or Council for Journalism)
Болгария	National Council for Journalism Ethics
Босния и Герцеговина	Press Council
Великобритания	Independent Press Standards Organisation
Венгрия	Foszerkesztok Forum (Editors' Forum); Association of Content Providers
Германия	Press Council
Грузия	Charter of Journalistic Ethics
Дания	Press Council
Ирландия	Press Ombudsman and Press Council
Испания	Information Council of Catalunya; Journalism Mass Media Complaints Commission
Италия	Journalists' self-regulatory body
Кипр	Media Complaints Commission
Косово	Press Council
Люксембург	Press Council
Македония	Council of Media Ethics of Macedonia
Мальта	Press Club and Press Ethics Commission
Молдова	Press Council
Нидерланды	Raad voor de Journalistiek
Норвегия	Press Complaints Commission

Россия	Общественная коллегия по жалобам на прессу (Public Collegium for Press Complaints)
Сербия	Serbian Press Council
Украина	Journalistic Ethics Commission
Финляндия	Press Council
Франция	Association pour la Prefiguration d'un Conseil de Presse
Хорватия	Croatian Press Council
Черногория	Media Council for self-regulation
Швейцария	Press Council
Швеция	Press Ombudsman and Press Council
Эстония	Press Council

Несмотря на то, что основная деятельность Альянса связана с европейским пространством, тем не менее, она открыта для тесного сотрудничества с советами из других регионов (см. табл. 2. Неевропейские организации, участвующие в работе АИРСЕ). С 2012 г. к сотрудничающим с АИРСЕ неевропейским медиасоветам из Ботсваны, Замбии, Израиля, Новой Зеландии, Перу, США, Таиланда, Шри Ланки присоединились саморегулирующие организации из Кыргызстана, Пакистана, Республики Кореи (Южной Кореи), Таджикистана и ЮАР. Более того, в октябре 2013 г., 15-ая по счету конференция, впервые за всю историю Альянса состоялась в неевропейской столице – Тель-Авиве, где модератором выступил израильский совет по прессе.

На подобных встречах транснационального формата интенсивно обсуждаются самые актуальные

вопросы саморегулирования и способы разрешения конфликтов и проблем, связанных с созданием и поддержанием климата доверия между журналистами и обществом.

Таблица 2.

Неевропейские организации,
участвующие в работе АІРСЕ

Страна	Названия неевропейских организаций, участвующих в работе АІРСЕ (данные на 25 января 2017г.)
Ботсвана	Press Council
Замбия	Media Council
Израиль	Press Council
Кыргызстан	Mass Media Complaints Commission
Новая Зеландия	Press Council
Пакистан	Press Council of Pakistan
Перу	Press Council
Республика Корея (Южная Корея)	Korea Press Arbitration Commission
США	News Council of Washington State
Таджикистан	Tajik Media Council
Таиланд	Press Council
Шри Ланка	Press Complaints Commission
ЮАР	Broadcasting Complaints Commission

Последняя встреча такого уровня прошла в октябре 2016 г. в Стокгольме. Столица Швеции не-

случайно оказалась хозяйкой столь масштабного форума. В 2016 г. исполнилось 100 лет старейшему независимому органу журналистского саморегулирования – шведскому Совету по делам прессы, а также 250 лет с момента принятия шведского Акта о свободе прессы.

В обсуждении и анализе профессиональных вопросов приняли участие более 70 экспертов из 36 стран. Докладчики представили традиционные отчеты о деятельности своих медиасоветов, выделяя основные трудности за прошедший год в сфере информационных коммуникаций¹.

Проблемы, с которыми сталкиваются институты в странах с разными экономическими, политическими и культурными традициями, неизбежно различаются. Если для турецких журналистов наиболее болезненным вопросом оказался ввод и затем продление режима чрезвычайного положения после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г., то председатель венгерского Форума редакторов волновался о недостаточной степени прозрачности в сфере национальной медиасобственности. В то же время для наиболее эффективных по результатам деятельности медиасоветов основной задачей стало повышение степени уже завоеванного доверия аудитории.

Что касается характера жалоб, рассматриваемых саморегулирующими организациями, то они большей частью одинаковы: средствам массовой информации наиболее часто инкриминируют

¹ Материалы отчетов национальных органов медийного регулирования за 2016 г. (на англ. яз.) // <http://www.presscouncil.ru>

нарушения неприкосновенности частной жизни и недостоверность публикуемых фактов, особенно связанных с освещением проблем мигрантов. Другой характерный показатель времени – значительная часть претензий связана с ростом популярности социальных сетей. Редакторы ведущих европейских газет констатируют, что если раньше печатные СМИ конкурировали друг с другом, с теле- и радиовещанием, то сегодня их главные конкуренты по многим параметрам – Интернет-издания, блоги и иные онлайн-платформы. С другой стороны, профессионалы активно обсуждают открывающиеся способы и средства медийного саморегулирования на новых платформах. Яркий доказательством таких возможностей послужил пример с 24-часовым марафоном по медиаэтике «Etikk24», организованный Норвежской ассоциацией прессы в августе 2016 г. В мероприятии приняли участие более 70 человек, кроме того тематические дискуссии, в которых приняли участие как профессионалы, так и представители общественности, транслировались онлайн.

Анализ актуальной медиапрактики свидетельствует не только о нецелесообразности, но и невозможности игнорировать позиции стремительно возрастающей роли новых медиа в жизни общества. Этому способствует, в значительной мере, и экономический кризис, поскольку аудитория предпочитает обращаться к бесплатной информации онлайн, что ведет к характерному для СМИ многих стран читательскому кризису. В этой связи показательно, что в последние годы количество

претензий к онлайн-журналистике, рассматриваемых медиасоветами, неуклонно растет.

Сегодня многие крупные онлайн-медиа с многочисленной аудиторией продают места на своих страницах для блогеров. В свою очередь, СМИ периодически используют сведения из интернет-дневников для создания информационного повода. Изучение материалов деятельности советов за последние пять лет подтверждает, что в медиасфере отсутствует четкое понимание того, как работать с материалами блогеров и так называемых гражданских журналистов, где часто «лбами сталкиваются» идеи свободы выражения мнений и социальной ответственности. Кроме того, особую озабоченность у профессионалов вызывает «язык ненависти» в комментариях к интернет-статьям.

Выясняется также, что медиаспециалисты не могут прийти к однозначному ответу, каким образом уравнивать «оффлайн» и «онлайн» журналистику с точки зрения соблюдения норм и принципов объективности, достоверности и беспристрастности информации. Проблема состоит в том, что не все интернет-издания позиционируют себя средством массовой информации и не желают жить по законам отрасли, оказывая при этом значительное влияние на общество.

Следующий узловым вопросом, которому последние годы уделяется пристальное внимание медиааналитиков, это проблема учета историко-культурных аспектов в регулировании как национального, так и регионального медиаконтента. Симптоматично, что участники AIRCE убеждены в невозможности некоего всеобщего кодифицирую-

щего документа по журналистской этике и твердо стоят на позиции пресечения любого навязывания наднациональных кодексов и регулирующих организаций и на европейском, и на глобальном уровнях. Такая позиция не могла не войти в конфликт с зародившейся в Евросоюзе идеей создать национальные медиарегуляторы, которые контролировала бы единая специальная комиссия. В январе 2013 г был опубликован доклад Комитета по свободе прессы, в котором, в частности, предлагалось создать некий комплекс общеевропейских стандартов и правила регулирования СМИ для всех стран ЕС¹. В виду такого принципиального расхождения во взглядах на возможность общих правил медиарегулирования, сама мысль об учреждении таковых в Европе вызвала острейшие дискуссии, которые до сих пор имеют свое продолжение в мировом информационно-коммуникационном пространстве.

При изучении современных угроз медиаиндустрии особую тревогу у медиаисследователей вызывают риски, связанные с безопасностью журналистов и давлением на свободу СМИ. Давление на журналистов проявляется по-разному: в виде угрозы насилия — психологического давления, в том числе онлайн (кибер-буллинг), и, крайняя форма, — в виде физического насилия. Даже в благополучной Швеции треть журналистов сообщают о том, что получали те или иные угрозы в течение последнего года. Коварность такой тенденции состо-

¹ The Report of the High Level Group on Media Freedom and Pluralism “A Free And Pluralistic Media to Sustain European Democracy”. 2013, January // <http://ec.europa.eu>

ит еще в том, что она может «ожесточить» самоцензуру, и этот процесс уже опасен для нормального функционирования демократического общества. К схожему результату может привести и проблема онлайн-безопасности, поскольку связанные с ней законодательные инициативы в некоторых странах серьёзно осложняют работу журналистов, что, в свою очередь, влияет на степень свободы и независимости СМИ.

Информационный отдел Совета Европы провел специальное исследование среди профессионалов из стран-членов СЕ, которое было целиком посвящено злободневным рискам и угрозам для журналистов. Публикация результатов этого проекта (на английском, французском, русском, сербском и турецком языках) ожидается в апреле 2017 г.

* * *

Подводя итоги деятельности медиасоветов за последнее пять лет, можно констатировать, что поддержание социальной ответственности средств массовой информации перед обществом имеет тенденцию к «самовыражению» в формате саморегулирования СМИ. Показательно, что институт медийного саморегулирования, несмотря на проблемы финансирования подобного рода объединений, имеет тенденцию к расширению. Продолжающееся взаимодействие в журналистском сообществе подтверждает общие позиции, которые обсуждались экспертами в ходе медиадискурсов последних лет. Вызовы, связанные с развитием новейших технологий, политическим и экономиче-

ским давлением на СМИ, так или иначе, усиливают проблемы деонтологического характера в медийной области. При этом, как выясняется, что в той или иной степени, но все обозначенные вопросы являются общими для СМИ стран постсоветского пространства, Балканского полуострова, Центральной и Восточной Европы. Неслучайно поэтому, что общества, уже создавшие устойчивые системы обеспечения ответственности СМИ, в настоящее время сталкиваются с необходимостью их совершенствования и поиска иных, актуальных, моделей нормативных регуляторов журналистской деятельности. Это происходит с учетом культурных, экономических и политических особенностей каждой отдельной страны, при разном историческом опыте и финансовых возможностях, при несходных типах отношений с государственной властью.

Библиографический список:

1. Европейский Альянс независимых советов по делам прессы – the Alliance of Independent Press Councils of Europe, AIPCE // <http://www.aipce.net> (Сайт функционирует под патронажем британского совета по печати Independent Press Standards Organisation (IPSO)).

2. Меморандум о создании Сети организаций медийного саморегулирования. 2011, 7 октября // <http://president-sovet.ru>

3. *Кумылганова И. А.* Медийное самоуправление в поисках актуальной модели // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Издательство АПК и

ППРО, 2013.

4. Материалы отчетов национальных органов медийного регулирования за 2016 г. (на англ. яз.) // <http://www.presscouncil.ru>

5. The Report of the High Level Group on Media Freedom and Pluralism “A Free And Pluralistic Media to Sustain European Democracy”. 2013, January // <http://ec.europa.eu>

О. А. ОКОЛЁСНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник Научно-методического Центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», кандидат юридических наук (109028, г. Москва, Б. Трёхсвятительский пер., д. 3; тел. (495) 772-95-90)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ¹

Ключевые слова: общественные интересы; СМИ; журналист

Аннотация. В настоящей статье анализируется роль и место правовой конструкции «общественные интересы» при регулировании профессиональной деятельности журналиста как субъекта информационно-правовых отношений. Особое внимание привлекает тот факт, что отсутствует легально закреплённое определение указанной категории, что во многом затрудняет квалификацию

¹ Материалы традиционной научно-практической конференции Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ ВШЭ, посвященной очередной годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» (г. Москва, 29 декабря 2016 г.)

действий журналиста и определение фактов возможных нарушений. В этой ситуации особенно ценным является применение методов саморегулирования в медийной сфере, как попытка восполнить пробелы правового регулирования.

Основным критерием осуществления общественного контроля и ключевым понятием в его системе являются общественные интересы. Для понимания данной правовой категории необходимо обратиться к нормативно-правовому контексту, так как законодатель нормативно не закрепил понятия «общественные интересы». Чаще всего законодатель использует конструкцию «обеспечение» или «защита общественных интересов».

Понятие «общественный интерес» неоднократно использовалось в законодательных и иных отечественных нормативных правовых актах, из чего можно сделать вывод, что общественный интерес является разновидностью законных интересов.

Правовая конструкция общественных интересов занимает особое место в нормативном регулировании информационно-правовых отношений в сфере массовой информации.

В законе РФ «О средствах массовой информации» общественные интересы используются как один из критериев закрепления исключений из правила невмешательства в частную жизнь граждан. Вносятся разумные законные коррективы в абсолютную защищённость частной жизни граждан.

дан¹. Журналист обязан получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средствах массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей².

Распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, допускается, если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц³.

Праву журналиста встать на защиту общественных интересов корреспондирует обязанность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц предоставлять ему информацию о своей деятельности (ст. 39 Закона РФ «О средствах массовой информации»)⁴. Деятельность государственных органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц осуществляется на принципах информационной открытости, что выражается в доступности для граждан информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы граждан. Так федеральные органы испол-

¹ Выборы и журналистское расследование / Отв. ред. Скиллен Д. М.: Права человека, 2001. С. 76.

² Ст. 49 Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 08 февраля. № 32.

³ Там же. Ст. 50.

⁴ Глисков А. А. Тайна частной жизни и общественный интерес // Законодательство и практика средств массовой информации. 1998. № 7. С. 37-38.

нительной власти должны заблаговременно извещать телерадиовещательных компаний о предполагаемом рассмотрении наиболее важных вопросов, представляющих общественный интерес¹.

Для поддержания баланса независимости судей и удовлетворения общественного интереса к деятельности судов официальные представители судов взаимодействуют с редакциями средств массовой информации и иными заинтересованными лицами.

К формам взаимодействия судов с редакциями средств массовой информации, обеспечивающим информирование пользователей информацией о деятельности судов, также относятся²:

- оповещение представителей редакций средств массовой информации (журналистов) о предстоящих судебных заседаниях по делам, представляющим общественный интерес;

- опубликование или распространение иным способом в средствах массовой информации сведений о вступивших в законную силу судебных постановлениях по делам, которые приобрели общественный интерес (например, о признании незаконным решения избирательной комиссии о результатах выборов), а также сведений об отмене или изменении судебных постановлений, если ра-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // САПП. РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. 2012. 19 декабря. № 292.

нее они были опубликованы либо иным образом распространены в средствах массовой информации;

– содействие представителям редакций средств массовой информации (журналистам) в организации проведения видеотрансляции в сети Интернет хода открытого судебного разбирательства и опубликовании информации о проведении такой трансляции по делам, которые вызвали общественный интерес, в средствах массовой информации.

Фактор общественных интересов связывает массовое сознание и общественное мнение с многообразием концепций журналистики¹. Ведь журналисту особенно важно, осуществляя свою профессиональную деятельность, оставаться в рамках правового поля. Но не менее важен этический критерий деятельности, который также подкрепляется понятием общественных интересов. Так в кодексе этических норм Общества профессиональных журналистов² отмечается, что добросовестный журналист, независимо от специализации и названия представляемого им СМИ, – тот, кто честно служит общественным интересам.

Кроме того, в отсутствии нормативно закреплённого определения общественных интересов особенно важно профессиональное саморегулирование в медиа-сфере. На официальном сайте Обще-

¹ *Ахмадулин Е. В.* Системоформирующие факторы и функции журналистики // Официальный сайт Южного федерального университета // <https://sfedu.ru>

² Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов // Официальный сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу: <http://presscouncil.ru>

ственной коллегии по жалобам на прессу размещён проект Медиаэтического стандарта¹, который включил в себя принцип разграничения общественных интересов и общественного любопытства. Так отмечается, что общественное любопытство не связано с проблемами осуществления публичной власти, с деятельностью демократических институтов или с перспективами развития общества. Кроме того, приведены так называемые индикаторы, которые позволяют журналисту определить общественный интерес в своей деятельности: обнаружение ситуации, существенно важной для благополучия и развития общества и при этом критической как для общества, так и для профессии, требующей от журналиста отступления от профессионального стандарта.

В рекомендациях судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ отмечается, что журналисты, производящие собственное расследование или освещающие ход следствия по уголовному делу, выполняют профессиональный долг, информируя читателей об обстоятельствах, имеющих общественный интерес². Кроме того, обратившись к практике Судебной палаты по ин-

¹ Медиаэтический стандарт – 2015 // Официальный сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу: <http://presscouncil.ru>

² О применении принципа презумпции невиновности в деятельности журналистов (по запросу Центра «Право и средства массовой информации»): Рекомендация Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ от 24.12.1997 г. № 3 (10) // Законодательство и практика средств массовой информации. 1997. Вып. 12 (40). С. 21).

формационным спорам при Президенте РФ, можно сделать вывод о том, что к общественному интересу относится информация о том, как выполняются должностными лицами их обязанности и соблюдаются ли ими правовые и этические нормы, информация о деятельности государственных органов власти¹.

Последнее особенно важно ввиду того, что общественные интересы являются ключевым понятием в системе общественного контроля как основной критерий его проведения. Общественный контроль рассматривается как деятельность по наблюдению, проверке и оценке соответствия общественным интересам деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных объектов общественного контроля. Понятие «общественный контроль» в ещё большей степени, чем общественные интересы, представлено в отечественном законодательстве, но общим с общественными интересами является отсутствие нормативно закреплённого определения.

Проведённый же анализ указывает также на необходимость легального определения понятия «общественных интересов», что вполне может быть реализовано в рамках внесения изменений и дополнений в федеральный закон от 21 июля 2014

¹ Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ от 27.06.1998 г. № 11 «Об обращении Министра строительства РФ Е. В. Басина в связи с публикацией Ю. Калининой «Золотой теленок» Чеченской республики» (опубликовано: Итоги. 1996. № 2) // Правовая Россия: <http://lawru.info>

г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В связи с этим общественный интерес рекомендуется понимать как потребность неопределённого круга лиц в получении информации со стороны государственных органов или иных обладателей такой информации в целях реализации и защиты, охраняемых Конституцией РФ благ и ценностей.

Библиографический список:

1. Выборы и журналистское расследование / Отв. ред. Скиллен Д. М.: Права человека, 2001.

2. Глисков А. А. Тайна частной жизни и общественный интерес // Законодательство и практика средств массовой информации. 1998. № 7.

3. Ахмадулин Е. В. Системоформирующие факторы и функции журналистики // Официальный сайт Южного федерального университета: <https://sfedu.ru>

4. Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов // Официальный сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу: <http://presscouncil.ru>

5. Медиаэтический стандарт – 2015 // Официальный сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу: <http://presscouncil.ru>

6. О применении принципа презумпции невиновности в деятельности журналистов (по запросу Центра «Право и средства массовой информации»): Рекомендация Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ от 24 декабря 1997 г. № 3 (10) // Законодательство и прак-

тика средств массовой информации. 1997. Вып. 12 (40).

7. Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ от 27.06.1998 г. № 11 «Об обращении Министра строительства РФ Е. В. Басина в связи с публикацией Ю. Калининой «Золотой теленок» Чеченской республики» (опубликовано: Итоги. 1996. № 2 // Правовая Россия: <http://lawru.info>)

Е. В. СЕМЕНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-методический центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», аспирант; Институт права и развития ВШЭ-Сколково, стажер-исследователь (123022, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3; тел.: (495) 637-52-68)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕР ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ¹

Ключевые слова: меры по ограничению доступа к информации в сети интернет; ответственность; владелец сайта; Единый Реестр запрещенной информации; предварительные обеспечительные меры защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях; прекращение делегирования домена

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о правовой природе мер по ограничению доступа к

¹ Материалы традиционной научно-практической конференции Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ ВШЭ, посвященной очередной годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» (г. Москва, 29 декабря 2016 г.)

информации в сети интернет: являются ли они мерами защиты или среди них есть меры ответственности. В российской доктрине предусмотренные законодательством способы защиты прав дифференцируются на способы, являющиеся мерами защиты, и способы, являющиеся мерами ответственности. Правовая природа мер влияет на действие общеправовых принципов: в отличие от мер защиты, на меры ответственности распространяется действие общеправовых принципов ответственности в связи с необходимостью обеспечения повышенных гарантий прав лиц, привлекаемых к ответственности (например, недопустимость обратной силы закона, отягчающего ответственность, недопустимость повторной ответственности за одно и то же правонарушение, презумпция невиновности). Для ответа на вопрос о правовой природе мер по блокировке контента в сети интернет приводится классификация данных мер и анализируются критерии отличия мер защиты от мер ответственности, выработанные в теории права. Автор приходит к выводу о том, что среди мер по ограничению доступа к информации в сети интернет есть меры ответственности, что позволяет говорить о формировании нового вида ответственности – информационной ответственности.

Введение

Меры по ограничению доступа к информации в сети интернет (или, выражаясь без витиеватых юридических приукрас, блокировки), регулируются Федеральным Законом от 27 июля 2006 г. №

149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – ФЗ «Об информации»). Помимо данных законодательных мер, возможно ограничение доступа к информации в сети интернет на основании договора².

Согласно статистическим данным, в Российской Федерации меры по ограничению доступа к сети интернет применяются активно³, что приводит к низкой позиции страны в рейтинге стран по критерию свободы слова, доступа к информации и возможности ее распространения⁴. Таким образом, меры по ограничению доступа к информации в сети интернет требуют балансировки с конституци-

¹ Блокировки регулируются статьями 15.1-15.7 ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

² п.5.5-5.7 Правил регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ // <https://cctld.ru>

³ По данным, представленным в Публичном докладе Роскомнадзора, в 2015 г. в Единый Реестр запрещенной информации было внесено 49,7 тыс. указателей сайтов и/или страниц сайтов в сети Интернет (из которых около 14,5 тыс. ссылок внесено на основании судебных решений о признании информации запрещенной к распространению, а около 31 тыс. сайтов и/или указателей страниц сайтов в результате было заблокировано операторами связи). Публичный доклад Роскомнадзора. 2015 г. С. 59-60 // <https://rkn.gov.ru>

⁴ Например, в докладе некоммерческой организации Freedom House за 2016 г. по оценке степени свободы слова в интернете РФ относится к наименее свободным странам (РФ получила 65 баллов из 100 (больше количество баллов соответствует худшему результату). Freedom on the Net 2016: Доклад. С. 23 // <https://freedomhouse.org>

онным правом на свободу слова и правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом¹.

В общемировом масштабе также наблюдается тенденция все более широкого применения блокировок для контроля над распространяемым в сети контентом². Таким образом, блокировка сайтов – это проявление глобальной тенденции ужесточения контроля за распространяемой информацией и усиления регулирования сети интернет.

В настоящий момент ФЗ «Об информации» устанавливает целый набор разнообразных мер по блокировке контента в сети интернет. Целью данной статьи является ответ на вопрос о том, какую правовую природу имеют предусмотренные законодательством меры по блокировке контента в сети интернет, чтобы понять, есть ли среди них меры ответственности. Для достижения данной цели поставлена задача классифицировать меры и выяснить, что понимается в теории права под мерами защиты и мерами ответственности, то есть выявить признаки мер защиты и мер ответственности вообще, а затем сопоставить их с признаками каждой конкретной меры по ограничению доступа к сети интернет.

¹ Ст. 29 Конституции РФ.

² Например, закон о блокировке сайтов, содержащих экстремистские материалы или распространяющих информацию, нарушающую права детей, был принят в 2015 г. во Франции (<https://www.legifrance.gouv.fr>); в Дании в январе 2017 г. публичные слушания проходит акт о блокировке сайтов с экстремистской информацией (<https://sputniknews.com>)

Актуальность исследования вопроса о правовой природе мер по ограничению доступа к информации в сети интернет имеет как теоретическую, так и практическую составляющие. С точки зрения значимости исследования для теории права, выяснение вопроса о правовой природе мер по ограничению доступа к сети интернет важно, так как ответ на данный вопрос будет развивать учение о видах ответственности и покажет, как изменяются традиционные правовые категории под влиянием процессов цифровизации и развития информационных технологий.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что правовая природа меры влияет на процесс доказывания: требуется ли установление вины лица (для мер ответственности необходимо установление вины лица, а для применения мер защиты не требуется установление вины лица), применим ли принцип недопустимости повторной ответственности за одно и то же правонарушение¹, применимы ли сроки давности, сораз-

¹ Например, вопрос о правовой природе меры по взысканию дохода, полученного с нарушением антимонопольного законодательства, в бюджет как меры ответственности и, как следствие, неконституционности нормы, допускающей одновременное взыскание с лица как данного дохода, так и штрафа за одно и то же нарушение, противоречащее принципу недопустимости двойной ответственности, становился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений п.п. 2 и 4 ст. 12, ст.ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных

мерна ли мера допущенному нарушению, применяется ли норма, которой была введена более строгая мера, ретроспективно, то есть имеет ли норма, установившая меру, обратную силу (так как норма, отягчающая ответственность, не имеет обратной силы)¹.

Классификация мер по ограничению доступа к информации в сети интернет

Прежде, чем перейти к собственно определению правовой природы мер по ограничению доступа к информации в сети интернет, следует установить круг этих мер, то есть понять, какие меры предусматривает российское законодательство.

Меры по ограничению доступа к сети интернет – очень разнородная категория, так как она объединяет в себе блокировки, различающиеся по разным критериям. Далее приведем классификацию мер по блокировке контента в сети интернет.

Меры по ограничению доступа к информации в сети интернет можно классифицировать на:

рынках» и ст.ст. 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим».

¹ Так, Верховный Суд РФ, рассмотрев вопрос о правовой природе меры по лишению научной степени, пришел к выводу, что норма, которой был увеличен срок, в течение которого лицо может быть лишено ученой степени, имеет обратную силу, так как данная мера не является мерой ответственности // Решение Верховного Суда РФ от 16.03.2016 г. № АКПИ15-1527.

1. Договорные и внедоговорные меры в зависимости от их источника, то есть от того, предусмотрены они договором¹ или законом².

2. По основанию применения меры классифицируются на меры, которые применяются за распространение *запрещенной* информации (ст. 15.1 ФЗ «Об информации»); меры за распространение информации, нарушающей авторские и (или) смежные права (ст. 15.2 ФЗ «Об информации»); меры за распространение информации *с нарушением закона* (ст. 15.3 ФЗ «Об информации»); меры за нарушение обязанностей организатора распространения информации (ст. 15.4 ФЗ «Об информации»); меры за распространение информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных (ст. 15.5 ФЗ «Об информации»); меры за неоднократное и неправомерное размещение информации, содержащей объекты авторских и (или) смежных прав (ст. 15.6 ФЗ «Об информации»).

3. По процедуре блокировки меры классифицируются на судебные и внесудебные меры в зависимости от того, требуется ли наличие вступивше-

¹ Так, Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ предусматривают такую меру по ограничению доступа к информации в сети интернет, как прекращение делегирования домена (п.5.5-5.7 Правил). Например, в соответствии с п. 5.5 Правил регистратор может прекратить делегирование домена «на основании письменного решения руководителя (заместителя руководителя или приравненного к нему должностного лица) органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» // <https://cctld.ru>

² Ст. 15.1-15.7 ФЗ «Об информации».

го в силу решения суда для запуска процедуры блокировки (ст. 15.1 п. 5 подп. 2, ст. 15.2 п. 1, ст. 15.4 п. 1, ст. 15.5 п. 5, ст. 15.6 п. 1 ФЗ «Об информации») или для этого достаточно решения компетентного органа исполнительной власти (например, Роскомнадзора, ФСКН, МВД и др. – ст. 15.1 п. 5 подп. 1, ст. 15.3 п. 1 ФЗ «Об информации»).

4. По возможности возобновления доступа к заблокированному информационному ресурсу меры классифицируются на поворотные, то есть временные (меры, предусмотренные ст. 15.1-15.5 ФЗ «Об информации») и постоянные, при которых возобновление доступа к сайту невозможно (т. н. «вечная блокировка», ст. 15.6 ФЗ «Об информации»).

5. По кругу защищаемых интересов меры классифицируются на блокировки в интересах неограниченного круга лиц, то есть в публичных интересах (например, блокировки сайтов за распространение информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности) и блокировки в интересах частных лиц (блокировки в интересах правообладателей).

6. По правовой природе выделяются меры защиты (в т. ч. обеспечительные меры, установленные по решению суда) и меры ответственности.

Основываясь на предложенной классификации мер по ограничению доступа к сети интернет, проанализируем правовую природу данных мер. При этом нужно иметь в виду, что меры ответственности – это лишь один из элементов юридической ответственности: помимо мер, элементами ответственности являются основание ответственности

(состав правонарушения), публичное принуждение и принципы ответственности (в частности, недопустимость повторного привлечения к ответственности за то же деяние, недопустимость обратной силы закона, отягчающего ответственность, презумпция невиновности, соразмерность ответственности правонарушению).

Таким образом, определить правовую природу меры, то есть установить, является она мерой ответственности или защиты, возможно, лишь проанализировав не только саму меру, но и остальные элементы ответственности, то есть установив, применяется ли публичное принуждение при применении меры, требуется ли устанавливать вину в составе правонарушения для применения меры. Как совершенно справедливо заметил А. А. Кравченко, «в условиях разных законодательных норм форма реализации одной и той же меры принуждения может быть как мерой защиты, так и мерой ответственности»¹. То есть, правовая природа меры определяется, исходя не из самой меры, а из условий ее применения.

Действительно, такая мера, как временный запрет деятельности лица, может быть как мерой защиты, так и мерой ответственности в зависимости от того, какие элементы использованы законодателем при конструировании соответствующей нормы: так, приостановление деятельности по ст. 3.12 КоАП РФ является мерой ответственности, так как при ее конструировании законодатель использовал

¹ *Кравченко А. А.* Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2.

элемент ответственности – вину, установив, что данная мера применяется только при наличии вины лица. Напротив, по сути аналогичная мера, предусматривающая приостановление деятельности, – временный запрет деятельности по ст. 27.16 КоАП РФ – является обеспечительной мерой защиты, так как при ее конструировании законодатель не ввел требование о наличии вины лица для применения меры.

Таким образом, для определения правовой природы меры необходимо проанализировать не только саму меру (то есть, выяснить, влечет ли применение меры неблагоприятные имущественные или неимущественные последствия для лица), но и иные элементы, требуемые для применения меры: используется ли публичное принуждение при применении меры, требуется ли установление вины лица. Поэтому далее последовательно рассматриваются основание применения мер (в части субъекта правонарушения и субъективной стороны), характер мер (влекут ли меры негативные последствия) и наличие публичного принуждения при применении меры.

Субъект, в отношении которого применяются меры

Начнем с субъекта, в отношении которого применяются меры по блокировке контента. С точки зрения автора статьи, таким лицом является не кто иной, как владелец сайта. ФЗ «Об информации» знает разных участников информационных правоотношений: обладатель информации, пользователь сети интернет, оператор информационной систе-

мы, владелец сайта в сети «Интернет», провайдер хостинга. Несмотря на то, что в реализации мер по ограничению доступа к информации в сети интернет могут участвовать несколько субъектов (например, провайдер хостинга, иное лицо, обеспечивающее размещение в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети интернет, информационного ресурса, обслуживающего владельца сайта в сети интернет), именно владелец сайта является лицом, которое непосредственно определяет содержимое и функционал сайта. В частности, именно поэтому ФЗ «Об информации» выделил особую «разновидность» владельцев сайтов – блогеров, – чьи сайты особенно популярны в сети («доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей»), с целью возложить на них дополнительные обязанности при распространении информации на их сайте¹. Ни провайдер хостинга, ни регистратор доменного имени (если речь идет о договорной мере по ограничению доступа в виде прекращения делегирования домена) не имеют самостоятельного интереса в отношении информации, распространяемой на сайте. А вот владелец сайта, напротив, является лицом, обладающим самостоятельным интересом в контенте, который размещается на сайте. Причем, как будет показано ниже, данный интерес носит не только неимущественный

¹ п. 1 ст. 10.2 ФЗ «Об информации» определяет, что блогер – это «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей».

характер. А кроме того, именно владелец сайта в конечном итоге определяет содержимое и функционал сайта. Таким образом, полагаем, что меры по ограничению доступа к информации в сети интернет применяются именно в отношении владельца сайта.

Итак, адресат мер по блокировке контента установлен – это владелец сайта. Далее следует наконец проверить наличие или отсутствие признаков ответственности для мер по блокировке контента в сети интернет.

Субъективная сторона: вина

Вина является критерием отличия мер ответственности от мер защиты¹. Особенно ярко это

¹ В частности, о вине как критерии ответственности неоднократно писал Конституционный Суд РФ: «в качестве необходимого элемента общего понятия состава правонарушения выступает вина, наличие которой является во всех отраслях права предпосылкой возложения юридической ответственности, если иное прямо и недвусмысленно не установлено непосредственно самим законодателем». Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений п.п. 2 и 4 ст. 12, ст. ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ст.ст. 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова».

видно на примере уголовного права: одна и та же мера в зависимости от того, применяется ли она до установления вины лица, будет либо мерой защиты (например, заключение под стражу, ст. 108 УПК РФ), либо мерой ответственности (например, лишение свободы на определенный срок, ст. 56 УК РФ). В первом случае суд установил меру пресечения для лица, в отношении которого еще не вынесено решение суда по существу, а во втором случае вина лица установлена вступившим в силу приговором суда, поэтому во втором случае имеет место мера ответственности.

Также не сложно провести отличие мер защиты от мер ответственности в административном праве: меры обеспечения не требуют установления вины¹, а меры административного наказания² можно применить только при установлении вины лица. Однако в административном праве с виной уже не все так просто, так как для юридических лиц вина понимается как нарушение лицом правил и норм, которое влечет административную ответственность при условии, что у лица имелась возможность для соблюдения этих правил и норм³.

Совсем непросто обстоят дела с виной как критерием отличия мер защиты от мер ответственности в гражданском праве, когда, помимо ответственности, применяемой за виновные правонарушения, также ответственность наступает «независимо от вины» (т. н. «объективная ответственность»), например, ответственность владельцев ис-

¹ Гл. 27 КоАП РФ.

² Гл. 3 КоАП РФ.

³ п. 2 ст. 2.1 КоАП РФ.

точников повышенной опасности, изготовителей некачественного товара, причинившего вред покупателю), а также за действия третьих лиц, либо вообще без вины, например, ответственность за правомерное причинение вреда. В доктрине отмечается, что вина в гражданском праве понимается иначе, чем в публичных отраслях права¹.

Таким образом, понятие вины различно для разных отраслей права, а кроме того, различно бремя доказывания вины: как указал Конституционный Суд РФ, только в уголовном праве действует презумпция невиновности, а “в процессе правового регулирования других видов юридической ответственности законодатель вправе решать вопрос о распределении бремени доказывания вины иным образом, учитывая при этом особенности соответствующих отношений и их субъектов”².

¹ Как пишет Е. А. Суханов, в гражданском праве «вина переводится из области трудно доказуемых субъективных психических ощущений конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений, где их реальное поведение сопоставляется с определенным масштабом должного поведения». Гражданское право: Учебник / Под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. Т. 1. С. 609.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт – Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-

Итак, чтобы понять, какая мера перед нами, необходимо посмотреть, требуется ли установление вины лица. В нашем случае с мерами по ограничению доступа к информации в сети интернет вина владельца сайта выражается в том, что владелец сайта, получивший уведомление о том, что распространение конкретной информации является незаконным, продолжает игнорировать уведомление и распространять данную информацию. То есть вина владельца сайта (который может быть как физическим, так и юридическим лицом) понимается аналогично понятию вины юридического лица в административном праве как нарушение лицом законодательных требований (о нераспространении информации на сайте) при условии, что лицо имело возможность для соблюдения данных требований (то есть лицо могло удалить ненадлежащий контент после получения уведомления о необходимости ограничения доступа к незаконно распространяемой информации, но не сделало этого)¹. Таким образом, законодатель устанавливает вину как основание применения мер по блокировке контента: владелец сайта, получив уведомление о том, что распространение информации является незаконным, может либо удалить данную информацию, избежав применения мер по блокировке, либо не удалять, что приведет к применению мер по блокировке контента.

южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А. Д. Чулкова».

¹ п. 8 ст. 15.1, п. 4 ст. 15.2, п. 2 ст. 15.4, п. 9 ст. 15.5 ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации».

Именно поэтому ФЗ «Об информации» устанавливает срок уведомления владельца сайта, а также возможность владельца сайта удалить информацию, не допустив блокировку ресурса. Единственным исключением из данного правила об уведомлении владельца сайта о необходимости удаления информации является блокировка ресурса без уведомления по ст. 15.3 ФЗ «Об информации». Представляется, что данная норма закона должна быть изменена таким образом, чтобы владелец сайта предварительно уведомлялся о незаконном характере распространяемой информации с предоставлением ему времени на удаление информации с сайта с целью избежать блокировки ресурса.

Таким образом, с точки зрения автора статьи, меры по ограничению доступа к сети интернет, которые применяются только при наличии вины владельца сайта (когда доступ к ресурсу блокируется только в том случае, если владелец сайта, зная о нарушении в связи с получением уведомления от Роскомнадзора, не устранит его), являются мерами ответственности¹.

Напротив, меры, применение которых не требует наличия вины владельца сайта, не являются мерами ответственности. Например, предварительные обеспечительные меры защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях не являются мерами ответственности, так как наличие вины устанавливать не требуется: в соответствии со ст. 144.1 ГПК РФ для применения меры заявитель должен дока-

¹ Меры, предусмотренные ст. 15.1, 15.2, 15.4, 15.5 ФЗ «Об информации».

зать принадлежность ему исключительных прав и факт правонарушения, но не вину лица, нарушившего исключительные права правообладателя.

Публичное принуждение как признак мер ответственности.

Государственно-принудительный характер меры, то есть определение содержания и порядка применения меры законом, требующий содействия в реализации меры со стороны компетентных органов власти, является признаком ответственности. Все законодательные меры по блокировке контента требуют применения публичного принуждения, так как их содержание и порядок применения установлены законом, а для их применения необходимо содействие компетентного органа власти, которым является суд либо орган исполнительной власти. То есть все меры по блокировке, источником которых является закон, обладают признаком публичного принуждения.

Наличие негативных последствий как признак мер ответственности.

Следующим признаком мер ответственности считается то, что применение меры ответственности влечет негативные последствия для лица, в отношении которого применена такая мера. Негативные последствия проявляются в виде умаления имущественной и/или неимущественной сферы лица. Иными словами, применение меры ответственности заключается в ограничении или лишении лица имущественных и/или неимущественных прав. Таким образом, далее необходимо опреде-

лить, какие из мер по ограничению доступа к информации в сети интернет влекут негативные последствия для владельца сайта.

В чем проявляются негативные последствия при применении к владельцу сайта мер по ограничению доступа к информации в сети интернет? Для ответа на данный вопрос нам пригодится предложенная нами выше классификация мер по возможности возобновления доступа к заблокированному информационному ресурсу на постоянные (ст. 15.6 ФЗ «Об информации») и временные (меры, предусмотренные ст. 15.1-15.5 ФЗ «Об информации»):

1. При применении «вечной блокировки»¹ (т. е., когда доступ к сайту в сети интернет ограничен постоянно на основании ст. 15.6 ФЗ «Об информации») негативные последствия выражаются в виде **лишения** владельца сайта права на распространение информации с помощью определенного информационного ресурса.

С нашей точки зрения, право на распространение информации приобрело в цифровой век двойственную природу: не только неимущественную, но и имущественную. Дело в том, что в цифровой век информация стала на вес золота. Помимо ценности информации как таковой, ценность также приобрело количество посетителей страницы в сети интернет². В условиях цифровых технологий и

¹ Ст. 15.6 ФЗ «Об информации».

² Будник Р. А. Внимание пользователя – деньги // Вопросы правоведения. 2014. № 1. С. 200-213; Кошик А. Веб-аналитика: Анализ информации о посетителях веб-сайтов. М., 2009; Divya R., Keong W. Monetizing the User's Information Asset in Internet Information Market // IEEE In-

чуть ли не четвертой технологической революции¹ право на распространение информации и доступ к ней, равно как и пользовательская аудитория сайта (внимание пользователей) приобрели очень высокую ценность². В частности, в экономической науке была представлена теория т. н. «сетевых эффектов», объясняющая зависимость сайта от количества пользователей, что в особенности верно для сайтов, пользователи которых создают контент сайта³. Влияние размера аудитории сайта на доходы его владельца от показа рекламы сложно переоценить: например, 1,2 млрд. человек суточной аудитории Facebook обеспечили его владельцам выручку в размере \$8,6 млрд. в четвертом квартале

ternational Congress on Big Data. 2016. С. 337-340; *Divya R., Keong W.* A Method to Price Your Information Asset in the Information Market // IEEE International Congress on Big Data. 2016. С. 307-314; *Vibhanshu A., Guajardo J., Zhang Z.* Business Models in the Sharing Economy: Manufacturing Durable Goods in the Presence of Peer-To-Peer Rental Markets. 2016.

¹ *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. 2016; *Gilchrist A.* Industry 4.0: The Industrial Internet of Things. 2016. С. 195.

² *Skilton M.* Building the Digital Enterprise. A Guide to Constructing Monetization Models Using Digital Technologies. Palgrave MacMillan. 2015; *Chin R., Salisbury A.* Make Money On The Internet: How To Turn Your Website Into A Cash-Making Machine. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2014.

³ *Katz M., Shapiro C.* Systems competition and network effects // The journal of economic perspectives. N. 8(2). 1994. С. 93-115. Особенно сетевой эффект важен для peer-to-peer сайтов наподобие Rutracker.org.

2016 г. только за счет рекламы¹. Поэтому лишение владельца сайта возможности распространять контент на данном сайте, который имел определенную пользовательскую аудиторию, – это то самое негативное последствие штрафного характера, которое характерно для меры ответственности.

Технически при «вечной блокировке» прямой доступ к сайту из России (с российского IP адреса) невозможен². Таким образом, владелец сайта стремительно теряет российскую аудиторию, так как число пользователей из России сокращается. И даже несмотря на существование различных способов обхода блокировок, число пользователей заблокированного сайта уменьшается. В подтверждение сокращения аудитории пользователей вследствие блокировки приведем статистику с сайта RuTracker.org, заблокированного навечно по решению суда в январе 2016 г.³ Согласно данным о статистике посещения сайта RuTracker.org, приведенным на сервисе статистики для сайтов Liveinternet.ru, число посетителей сайта RuTracker.org резко упало после блокировки сайта в январе 2016 г. Так, с февраля 2016 г. суточная аудитория сайта RuTracker.org сократилась с 1,1 млн. до 0,6 млн. посетителей. В итоге весь 2016 г. число посетителей сайта оставалось низким и так и

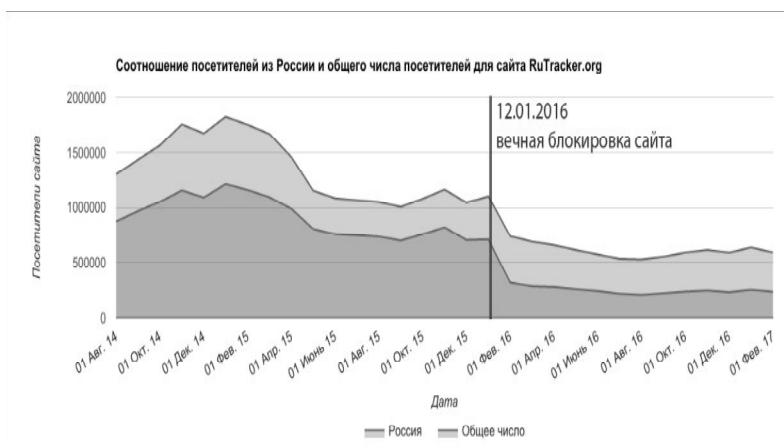
¹ Facebook Q4 2016 Results // <https://s21.q4cdn.com>

² Разумеется, при исполнении всеми операторами связи на территории РФ решения суда о «вечной блокировке».

³ Решение о «вечной блокировке» было принято Мосгорсудом 04.12.2015 г. по иску издательства «Эксмо» и «С.Б.А. Продакшн». 12.01.2016 г. решение суда вступило в силу.

не вернулось на уровень 2014-2015 гг. (см. рисунок 1).

Рисунок 1.
Соотношение числа посетителей из России
и общего числа посетителей для сайта
Rutracker.org по данным статистического
сервиса Liveinternet.ru

Таким образом, вследствие «вечной блокировки» владелец сайта лишается не только неимущественного права на распространение информации в отношении российской аудитории, но и вполне имущественной составляющей права на распространение информации, выражающегося в том, что владелец сайта лишается внимания пользователей, которое потенциально могло быть монетизировано.

Как было отмечено выше, при «вечной блокировке» доступ к сайту невозможен на территории РФ. Как видно из приведенной статистики на рис. 1, в результате блокировки сократилась не только

российская аудитория, но и мировая аудитория сайта RuTracker.org. В качестве иллюстрации того, что «вечная блокировка» сайта, наступающая в результате неоднократного и неправомерного размещения информации, нарушающей исключительные права, по сути ликвидирующая доступ к сайту, является мерой ответственности, а не мерой защиты, можно привести аналогию из области гражданского права: так, ликвидация юридического лица вследствие неоднократных или грубых нарушений закона или иных правовых актов (подп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ) является мерой ответственности. О том, что ликвидация юридического лица вследствие неоднократных или грубых нарушений закона является мерой ответственности, высказывался Конституционный Суд РФ, который, признав данную норму ст. 61 ГК РФ не противоречащей Конституции РФ, установил, что «ликвидация юридического лица должна применяться в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям»¹. Данная позиция Конституционного Суда также проведена в Постановлении Плену-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст.ст. 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация».

ма Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25¹. Таким образом, ликвидация юридического лица является исключительной мерой юридической ответственности, которая должна быть соразмерной допущенным нарушениям и вызванным последствиям². Аналогично тому, что ликвидация юридического лица является мерой юридической ответственности, и «вечная блокировка», по сути ликвидирующая доступ к сайту, является мерой юридической ответственности.

2. Для блокировки, которую возможно преодолеть путем удаления незаконного контента, то есть для т. н. «временной блокировки»³, негативные последствия проявляются в виде **ограничения** права владельца сайта на распространение информации с помощью определенного информационного ресурса. К таким «временным блокировкам» ФЗ «Об информации» относит блокировку сайта, включенного в Единый реестр (пп. 9-10 ст. 15.1 ФЗ «Об информации»), блокировку сайта на основании ст. 15.3 ФЗ «Об информации», блокировку сайта, включенного в Реестр нарушителей (п. 1 ст. 15.5 ФЗ «Об информации»)⁴, так как во всех этих слу-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Кузнецов А. А., Новак Д. В. Вопросы корпоративного права в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25. Комментарий к п. 28 Постановления Пленума // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ст. 15.1-15.5 ФЗ «Об информации».

⁴ А также к данному перечню относится блокировка доступа к «информационным системам и (или) программам

чаях возможно возобновление доступа к сайту в случае, если владелец сайта удалит незаконную информацию.

Здесь уместно вспомнить приведенную выше аналогию с такой мерой ответственности, как административное приостановление деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ): временная блокировка сайта сродни приостановлению деятельности, так как нормальное функционирование сайта приостанавливается на время блокировки. КоАП РФ относит такую меру, как приостановление деятельности, к мерам ответственности, так как данная мера расположена в Гл. 3 КоАП РФ об административном наказании и применение данной меры требует установления вины лица.

Аналогичные негативные последствия в виде временного ограничения доступа к интернет ресурсу возникают и в случае временной блокировки, которая вводится в качестве меры по предварительному обеспечению иска в гражданском процессе на основании ст. 144.1 ГПК РФ. Однако данная мера, хотя и обладает признаком наличия неблагоприятных последствий, не является мерой ответственности, так как, как было уже отмечено выше, для ее применения не требуется устанавливать вину лица. Аналогичный подход демонстрируется, например, и в КоАП РФ, который, помимо

для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети интернет» и функционирование которых обеспечивается организатором распространения информации (п. 4 ст. 15 ФЗ «Об информации»).

меры ответственности в виде приостановления деятельности, предусматривает меру защиты в виде временного запрета деятельности (ст. 27.16 КоАП РФ). Временный запрет деятельности по ст. 27.16 КоАП РФ является именно мерой защиты, так как данная мера расположена в гл. 27 КоАП РФ о мерах обеспечения и не требует для применения установления вины лица.

3. Также, возвращаясь к классификации мер по ограничению доступа на меры, источником которых является закон, и договорные меры, негативные последствия для владельца сайта имеет такая договорная мера, как прекращение делегирования домена. Данная мера договорной ответственности сродни «вечной блокировке», однако она является еще более жесткой, так как сайт, заблокированный навечно, не доступен только на территории России, в то время как сайт, делегирование которого прекращено, недоступен никому, так как он не заблокирован, а удален из сети. Причем, нужно также заметить, что не потребовалось бы вовсе никаких законодательных блокировок, если бы данная договорная мера по прекращению делегирования домена была бы доступна для всех доменов верхнего уровня. Дело в том, что сейчас возможно прекращение делегирования домена только в зоне .ru и .рф. Прекращение делегирования доменов в других зонах (например, .org, .com, .us и т. д.), то есть всех иных доменов, кроме .ru и .рф, невозможно для Роскомнадзора. Поэтому пришлось вводить в информационное законодательство костыли в виде мер по ограничению доступа к информации в сети интернет, чтобы была возможность ограничивать

доступ не только к сайтам в домене .ru и .рф, но и во всех остальных доменных зонах.

Как видим, три меры, две из которых предусмотрены информационным законодательством (вечная блокировка и «временная» блокировка), и одна мера, предусмотренная договором¹ (прекращение делегирования домена), являются мерами ответственности, так как для них характерно наличие признаков юридической ответственности: данные меры влекут негативные последствия для владельца сайта в виде лишения или ограничения права владельца сайта на распространение информации в сети интернет, также для них характерно публичное принуждение и требуется наличие вины владельца сайта при их применении, то есть они применяются только в случае, если владелец сайта, зная о нарушении (что подтверждается уведомлением от Роскомнадзора о незаконности распространения информации), продолжает распространять данную информацию.

Соответственно, все иные меры, как не обладающие одним и/или более признаками мер ответственности, следует отнести к мерам защиты. Таким образом, к мерам защиты относятся внесудебные меры по ст. 15.7 ФЗ «Об информации» (данные меры не влекут блокировку ресурса, то есть не влекут неблагоприятных последствий, и не требуют установление вины лица); меры по включению информации в Реестр² до момента непосредствен-

¹ п. 5.5-5.7 Правил регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ // <https://cctld.ru>

² Под Реестром понимаются Реестр запрещенной информации (ст. 15.1 ФЗ «Об информации»), Реестр нарушений

но блокировки (данные меры не имеют негативных последствий для владельца сайта, потому что блокировку сайта не влекут, так как на данном этапе только происходит включение информационного ресурса в реестр и уведомление владельца сайта). Не является мерой ответственности и мера, предусмотренная ст. 15.3 ФЗ «Об информации», так как информационный ресурс блокируется незамедлительно после получения оператором связи требования Генерального Прокурора или его заместителя, а владелец сайта уведомляется уже апостериори о состоявшейся блокировке. Также не является мерой ответственности мера, предусмотренная гражданским процессуальным законодательством (предварительные обеспечительные меры защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»), которая, хоть и влечет негативные последствия для владельца сайта в виде блокировки сайта, не требует установления вины владельца сайта для ее применения.

Классификация мер по ограничению доступа к информации в сети интернет в зависимости от правовой природы меры.

Таким образом, по своей правовой природе меры по ограничению доступа к информации в сети интернет классифицируются нами на 2 группы:

авторских прав (ст. 15.2 ФЗ «Об информации»), реестровая запись в информационной системе взаимодействия Роскомнадзора (ст. 15.3, 15.4 ФЗ «Об информации»), Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных (ст. 15.5 ФЗ «Об информации»).

1. Меры защиты, к которым относятся:

1.1. Обеспечительные меры, принимаемые в рамках судебного производства по делам о распространении объектов авторских и (или) смежных прав (кроме фотографических произведений и произведений) без разрешения правообладателя или иного законного основания (ст. 15.2 ФЗ «Об информации», ст. 144.1 ГПК РФ);

1.2. Внесудебные меры по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях (ст. 15.7 ФЗ «Об информации»);

1.3. Мера по включению информационного ресурса в один из Реестров Единой информационной системы взаимодействия Роскомнадзора, то есть меры, в рамках которых у владельца сайта есть возможность *не допустить блокировку*, удалив ненадлежащий контент с сайта¹. То есть данные меры защиты имеют место с момента включения в Реестр *ДО момента* непосредственно блокировки, когда владелец сайта все еще может удалить информацию и тем самым избежать блокировки;

1.4. Блокировка сайта на основании ст. 15.3 ФЗ «Об информации» (т. е. когда доступ ограничивается оператором связи незамедлительно, без всяких реестров (а провайдер и владелец лишь уведомляются апостериори о необходимости удалить информацию).

2. Меры ответственности, которые в свою очередь классифицируются на 2 подгруппы:

¹ п. 8 ст. 15.1, п. 4 ст. 15.2, п. 2 ст. 15.4, п. 9 ст. 15.5 ФЗ «Об информации».

2.1. Меры ответственности, источником которых является информационное законодательство, то есть меры *информационной* ответственности:

2.1.1. Блокировка сайта, включенного в Единый реестр запрещенной информации (пп. 9-10 ст. 15.1 ФЗ «Об информации»);

2.1.2. Блокировка сайта, включенного в Реестр нарушений авторских прав (ст. 15.2 ФЗ «Об информации»);

2.1.3. Блокировка сайта на основании ст. 15.4 ФЗ «Об информации»;

2.1.4. Блокировка сайта, включенного в Реестр нарушителей (п. 1 ст. 15.5 ФЗ «Об информации»);

2.1.5. Вечная блокировка сайта (ст. 15.6 ФЗ «Об информации»);

2.2. Меры *договорной* ответственности, то есть меры, возникающие в рамках договорных отношений между регистратором домена и владельцем домена (речь идет об уже упоминавшемся выше прекращении делегирования домена).

Заключение

Цифровизация, глобализация не могут не оказывать существенного влияния на дизайн правовых конструкций. Напротив, происходят существенные изменения: например, внедряется блокчейн, разрабатывается правовая база для применения умных контрактов, часть работы юристов делают программы (например, составление исковых заявлений). И область института ответственности не осталась в стороне от происходящих изменений: стремление государства контролировать распространяемую в сети интернет информацию обусло-

вило вмешательство государства в некогда саморегулируемую сеть интернет и появление различных мер, ограничивающих распространение информации в сети интернет. Причем, как было продемонстрировано выше, целый ряд мер по ограничению доступа к сети интернет обладают признаками мер ответственности. Это дает нам основание говорить о формировании нового специфичного вида ответственности: информационной ответственности.

Библиографический список:

1. *Будник Р. А.* Внимание пользователя – деньги // Вопросы правоведения. 2014. № 1.
2. Гражданское право: Учебник / Под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. Т. 1.
3. *Кошик А.* Веб-аналитика: Анализ информации о посетителях веб-сайтов. М., 2009.
4. *Кравченко А. А.* Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2 // СПС «Консультант-Плюс».
5. *Кузнецов А. А., Новак Д. В.* Вопросы корпоративного права в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 Г. № 25. Комментарий к п. 28 Постановления Пленума // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Divya R., Keong W.* Monetizing the User's Information Asset in Internet Information Market // IEEE International Congress on Big Data. 2016.
7. *Divya R., Keong W.* A Method to Price Your Information Asset in the Information Market // IEEE International Congress on Big Data. 2016.

8. *Chin R., Salisbury A.* Make Money On The Internet: How To Turn Your Website Into A Cash-Making Machine. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2014.

9. *Gilchrist K.* Industry 4.0: The Industrial Internet of Things. 2016.

10. *Katz M., Shapiro C.* Systems competition and network effects // The journal of economic perspectives. 1994. № 8(2).

11. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. 2016.

12. *Skilton M.* Building the Digital Enterprise. A Guide to Constructing Monetization Models Using Digital Technologies. Palgrave MacMillan. 2015.

13. *Vibhanshu A., Guajardo J., Zhang Z.* Business Models in the Sharing Economy: Manufacturing Durable Goods in the Presence of Peer-To-Peer Rental Markets. 2016.

А. А. СТРЕЛЬЦОВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заместитель директора Института проблем информационной безопасности, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор (119192, г. Москва, Мичуринский проспект, д. 1, офис 10)

НОВАЯ ДОКТРИНА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Ключевые слова: информационное право; информационная безопасность; национальные интересы в информационной сфере; информационные угрозы

Аннотация. Новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 и выступает документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ. В новом документе отражены основные национальные интересы в информационной сфере, основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности, стратегические цели и основные направления обеспечения информационной без-

опасности, организационные основы информационной безопасности России.

Информационная сфера, ИКТ-среда развиваются очень быстро, порождая вызовы, о которых еще несколько лет назад трудно было говорить. Меняется и международная обстановка. Все это потребовало формулирования системы взглядов на национальные интересы в информационной сфере, на угрозы безопасности этим интересам и приоритетные направления противодействия данным угрозам. Данная система взглядов и составляет основное содержание новой редакции доктрины информационной безопасности Российской Федерации.

Выполнение задач обеспечения национальной безопасности общества всегда базируется, прежде всего, на национальной культуре, на национальных духовных ценностях и традициях. Важно не только учесть этот национальный опыт, но и использовать весь имеющийся в распоряжении науки информационного права в зарубежных странах инструментарий. Вместе с тем, вопрос о применимости зарубежного опыта в данной области не является простым. Каждая страна исходит из своих национальных особенностей и интересов.

Но есть и некоторые общие тренды. В области информационной безопасности, как мне представляется, это, прежде всего, укрепление взаимодействия между государственными и негосударственными организациями, которые обеспечивают работу национальной информационной инфраструкту-

ры, индустрии информационных услуг, создания и внедрения новых ИКТ.

Как представляется, некоторые направления государственной политики, обозначенные в доктрине, уже находятся в стадии реализации¹, программу реализации других направлений еще предстоит определить. В настоящее время нам видится как минимум три направления реализации ее положений.

Во-первых, необходимо совершенствовать национальное законодательство с тем, чтобы стимулировать большую активность субъектов информационной сферы в области противодействия угрозам и формирования ответов на вызовы, с которыми сегодня столкнулась Россия. Это потребует большего взаимодействия законодателей и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти с бизнес-сообществом и гражданским обществом, более тщательной экспертизы законопроектов и оценки последствий их регулирующего воздействия на общественные отношения в информационной сфере, на общество в целом. Новые

¹ См. подр.: *Гостищева Т. В., Мисников А. А., Красильников И. В.* О новой Доктрине информационной безопасности РФ // Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности: Материалы международной научно-практической и научно-методической конференции. Уфа, 2016. С. 26-32; *Димитренко Е. В., Швецов А. Ю., Мастяева А. М.* Сравнительный анализ доктрины информационной безопасности РФ в старой и новой редакции // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: Сборник статей международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 139-140 и др.

руководство и состав Государственной Думы уже начали, как представляется, движение в этом направлении.

Во-вторых, предстоит совершенствовать систему принятия и реализации государственных программ, нацеленных на выполнение задач, которые поставлены в доктрине. Здесь представляются важными программы, ориентированные на развитие науки, обороны, государственной и общественной безопасности, экономики и, конечно, обеспечения стратегической стабильности. Судя по материалам, публикуемым на сайте Президента Российской Федерации, эта работа тоже уже началась.

В-третьих, развитие международного сотрудничества, в том числе в области противодействия компьютерной преступности, терроризму, в сфере предупреждения угроз возникновения вооруженных конфликтов из-за некорректной трактовки событий, происходящих в ИКТ-сфере. Без расширения такого сотрудничества трудно противодействовать многим угрозам безопасности национальных интересов в информационном пространстве. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. были утверждена Президентом Российской Федерации в 2013 г., и они не потеряли своей актуальности.

Необходимо отметить, что ужесточение правового регулирования общественных отношений в области ИКТ-среды является общим трендом, свойственным многим государствам мира. Во многом

это обусловлено особенностями проявления угроз их национальной безопасности, с которыми государства сталкиваются в процессе глобализации «цифровой» инфраструктуры, роста террористических угроз, обострения межгосударственных отношений. В этих условиях всегда существует опасность формирования неадекватной правоприменительной практики.

Проблема решается путем совершенствования судебной практики при рассмотрении конфликтов в информационной сфере, активизации позиции граждан, негосударственных организаций. Определенный потенциал движения в этом направлении в России уже создан.

Библиографический список:

1. *Гостищева Т. В., Мисников А. А., Красильников И. В.* О новой Доктрине информационной безопасности РФ // Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности: Материалы международной научно-практической и научно-методической конференции. Уфа, 2016.

2. *Димитренко Е. В., Швецов А. Ю., Мастяева А. М.* Сравнительный анализ доктрины информационной безопасности РФ в старой и новой редакции. // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: Сборник статей международной научно-практической конференции. М., 2016.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ
И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

V. N. MONAKHOV

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; National Research University "Higher School of Economics"

**LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION
"ON MASS MEDIA":
ANALYZING OF MISTAKES
AND LEARNING THE HARD WAY**

Keywords: Law "On Mass Media"; epistemology; legal aid; freedom of mass information; culture of freedom of mass information; economy of freedom of mass information; global information society; right; ethics; regulation; technological convergence; ethical-legal convergence

Annotation. The article considers the 25-year experience of implementing the Law "On Mass Media" in 1991, justifies the applicability and social utility of examining the legislative text in the format of an epistemological approach that provides the researchers with new opportunities for cognition. A number of issues and problems arising in the development of domestic, foreign and international ethical and legal regulations of relations in connection with and about the mass media are analyzed. The author formulates and justi-

fies doctrinal, legislative and organizational and legal proposals aimed at improving the regulation of the relevant range of social relations

Y. V. KAZAKOV

Public Board on complaints against the Press

**THE RIGHT TO ETHICS
AND THE RIGHT TO THE RIGHT:
NOTES OF A DILETTANTE**

Keywords: media law; mass information; rights of a journalist; professional journalist

Annotation. The article is devoted to understanding the role of the media in modern society and the historical significance of the Law "On Mass Media in the Russian Federation". Particular attention is paid to the formation of ethical standards (professional ethics) of the journalist.

I. A. KUMYLGANOVA

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

**INTERACTION OF TRANSNATIONAL
ASSOCIATIONS OF MEDIA COUNCILS
AS AN IMPORTANT EXPERIENCE
OF MEDIA SELF-REGULATION**

Keywords: media self-regulation, media council, transnational media associations, the Alliance of Independent Press Councils of Europe, media responsibility systems, journalistic accountability.

Annotation. The article is considering urgent practice of a transnational cooperation concerning media responsibility and self-regulation. The author proves researching need of changes in media accountability systems, and represents foreign experience on the example of the European institutes of media self-regulation studying. The special attention is dedicated to the analysis of modern challenges to such institute of self-regulation as media council.

O. A. OKOLESNOVA

National Research University «Higher School of Economics»

PUBLIC INTERESTS AS AN INFORMATION AND LEGAL CATEGORY IN THE JOURNALISTS' WORK

Keywords: public interests, mass-media; journalist

Annotation. This article analyzes the «public interest» role and regulatory requirements within the legal structure of the professional activities and legal relations of a journalist as a provider of information. Of particular interest is that currently there are no legal definitions, which hinders the ability to qualify the ac-

tions of a journalist and to determine any possible violations. In this situation, the application of self regulatory actions in the media sphere are especially valuable as an attempt to overcome the lack of any current legal regulations.

E. V. SEMENOVA

National Research University «Higher School of Economics»

LEGAL NATURE OF WEBSITE BLOCKING FOR THE ILLICIT CONTENT

Keywords: website blocking mechanisms; liability; website owner; black list of illicit content; copyright injunctions; domain delegation termination

Annotation. The article analysis the issue whether the liability doctrine is applicable to the website blocking. Rights protection in Russia is based on two doctrines – liability doctrine and protection doctrine. Liability doctrine provides higher level of rights protection, rather than protection doctrine: e. g., principle *lex retro non agit* applies in case of law implementing stricter liability, principle *nemo debet bis puniri pro uno delicto*, principle *praesumptio innocentiae* are applied under liability doctrine. Analysis of Russian legislation and doctrine has showed that liability doctrine is applicable to the website blocking. Author concludes that new kind of liability – information liability of website owners – has emerged.

A. A. STRELTSOV

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

**THE NEW DOCTRINE
OF INFORMATION SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
INFORMATION AND LEGAL BASIS
FOR ENSURING THE SECURITY
OF INFORMATION THREATS**

Keywords: information law; information security; national interests in the information sphere; information threats

Annotation. The new Doctrine of Information Security of the Russian Federation was approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 and acts as a document of strategic planning in the sphere of ensuring national security of the Russian Federation. The new document reflects the main national interests in the information sphere, the main information threats and the state of information security, strategic goals and basic directions of ensuring information security, organizational foundations of Russia's information security.

Учредитель и издатель:
АНО «Творческий центр ЮНЕСКО»
117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 55А, каб. 112.

Адрес редакции: 117279, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.

Почтовый адрес: 123022, г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436,
Кафедра ЮНЕСКО

www.unescochair.ru
unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Подписано в печать 28.03.2017 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 7,8 п. л.

Тираж 300 экз. Заказ 17.

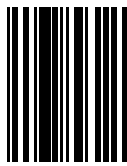
Отпечатано в типографии НОУ «ПМБ ЕГУ».
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Свободная цена.

ISSN 2225347-5

9 77225 347000

1 7 0 1